

Author: Гуртовцев Аркадий Лазаревич

Смертью смерть поправ

ГУРТОВЦЕВ А.Л.

СМЕРТЬЮ СМЕРТЬ ПОПРАВ

Жизнь, идеи и смерть Джордано Бруно.

К 415-летию со дня казни

“Не только тот получает славу, кто побеждает, но также и тот, кто не умирает трусом и подлецом: он бросает упрек в своей гибели и в смерти судьбе и показывает миру, что он не по своей вине, а вследствие несправедливости судьбы пришел к такому концу”

Джордано Бруно, “Пир на пепле”, 1584

Предисловие - Эпилог. “Жизнь” после смерти - Жизнь Бруно: 1548-1592 - Арест и казнь Бруно: 1592-1600 - Космология Бруно - Философия Бруно - Бруно и философы нового времени - Ода человеческой ослиности - Заключение - Литература

Предисловие

В очерках “Идея геоцентризма, или история величайшего заблуждения человечества” и “Идея гелиоцентризма, или история преодоления величайшего заблуждения человечества”, я достаточно подробно рассмотрел эволюцию философских и естественнонаучных представлений о Вселенной, начиная с античности и завершая поздним Возрождением (включая труды

Николая Коперника, Тихо Браге и Иоганна Кеплера). За пределами моего рассмотрения намеренно остались жизнь и творчество нескольких великих ученых, оказавших громадное влияние на преодоление величайшего, геоцентрического, антропоцентрического заблуждения человечества, среди которых первым по времени стоит Джордано Бруно.

Этому мыслителю посвящены тысячи различных сочинений, заметок и речей (поисковый сервер Google на запрос “Джордано Бруно” выдает около 400 тыс. ссылок), но многие из них, если не большинство, носят явно тенденциозный, заказной, клерикальный характер. Они рассматривают Бруно исключительно как еретика и врага церкви, отказывая ему в праве быть глубоким, самобытным ученым, философом, оказавшим большое влияние не только на ход развития мировой научной, философской мысли, но и на формирование новых, важнейших общечеловеческих ценностей – свободы мысли и свободы слова. Тех ценностей, которые в угоду физическому и духовному порабощению человека, в угоду тирании и религии тысячелетиями подвергались уничтожению, но без которых невозможно дальнейшее прогрессивное развитие человечества.

Когда в 1889 г., через 289 лет после сожжения Бруно на костре инквизиции, ему был воздвигнут на месте казни в Риме памятник, со стороны сторонников папства и защитников религии последовал ряд протестов. В частности, на собрании протестующих кельнских католиков 7 июля 1889 г. некий профессор-теолог Шредер так охарактеризовал Бруно : “Он выступил против самого бога, в фантастическом заблуждении он отрицал его промысел, его существование, в своих писаниях проповедуя грубейший пантеизм и

проводя в своей жизни самый плоский материализм . Тем самым он уничтожал единственную основу всякого нравственного и религиозного, всякого церковного и государственного, порядка. Его тезисы стремились ниспровергнуть не только алтари, но и троны, он был, таким образом, явным врагом человеческого общества, ибо, где нет бога, там нет истинной свободы, нет порядка, где нет порядка, там раскрыты двери и ворота радикальнейшему социализму ...Кем же был Джордано Бруно? Это был отпавший монах, расстрига-священник, безнравственный человек, мятежник против Христа и церкви, отрицатель бога, враг трона и алтаря, короче говоря, революционер в полнейшем смысле этого слова ”.

Многие современные, поверхностно и фрагментарно мыслящие невежды, не читавшие (и тем более не изучавшие) трудов Бруно, сочинений его предшественников и последователей, не намного дальше поповствующего профессора продвинулись в своих оценках личности философа: “...научные взгляды и открытия - их у него не было...далекий от науки...не ученый, а маг...следа в науке не оставил...вульгарно компрометировал идеи Коперника, пытаюсь выразить их на языке магических суеверий...английский или французский шпион...основатель тайной оккультной секты “джорданистов”...церковь казнила своего слугу за отступничество от веры, но не за науку...”. Пусть эти домыслы останутся на совести их авторов.

Мне важно было сформировать свое, личное и вместе с тем непредвзятое, объективное (насколько это возможно для аналитика с материалистическим и атеистическим мировоззрением) отношение к Бруно в контексте той эпохи, в которой он жил, и в контексте развития последующего мирового естествознания. С этой

целью я изучил ряд его основных работ, а также доступные документы, касающиеся жизни и смерти мыслителя. Хочу сразу отметить, что великого человека никогда не следует укорять за то, чего он не сумел сделать, за его ошибки (тем более, когда такие ошибки связаны с многовековой и подавляющей разум религиозностью всего человеческого сообщества), но следует уважать за то, что он сумел сделать, за то, какой новый путь он открыл для человеческой мысли. В сочинениях Бруно, впрочем, как и в трудах большинства философов, подвергавшихся тотальному давлению религиозного мира, есть много случайных, путанных, фантастических и ошибочных идей. Но среди богословской шелухи и пустословия ищущий и открытый ум обязательно найдет настоящие россыпи содержательных, ценных, подобных алмазам естественнонаучных идей, и их поиск среди отвалов пустой философской породы имеет смысл, несмотря на все затраты труда и времени современного исследователя. Итак, кто же он - Джордано Бруно, и что такого существенного он сделал для человеческого рода?

Эпилог. "Жизнь" после смерти

Джордано Бруно (1548, Нола, близ Неаполя - 17 февраля 1600, Рим) - итальянский поэт и философ-пантеист, который одним из первых публично поддержал гелиоцентрическое учение Коперника о Вселенной, ограниченной неподвижной звездной сферой, но распространил свои философские выводы из этого учения на неограниченную, бесконечную Вселенную, содержащую бесчисленные, в том числе и обитаемые, звездные миры, подобные нашей Солнечной системе. Бруно, как истинный поэт, гордо и эмоционально провозглашал себя "гражданином и слугой мира...

сыном отца-солнца и земли-матери...академиком без академии... пробудителем спящих душ...укротителем горделивого и лягающегося невежества...Филотеем и Теофилом ", а в своих философских произведениях, построенных в форме диалогов, именовал себя в третьем лице Ноланцем (подобно тому, как Аристотеля философы именовали Стагиритом - по месту его рождения в Стагире, или Николая из Кузы - Кузанским, или Кузанцем), а свою философию - ноланскую, или "философией рассвета". В противовес слепой вере, теологии и схоластике, он проповедовал религию разума и был непримиримым борцом за свободу философской мысли и слова, борцом, который не отказался от своих убеждений в тюремных застенках инквизиции и на костре, где был сожжен заживо. Насильственно поставленный католической церковью в условия выбора между жизнью и смертью, он героически и самоотверженно предпочел смерть отречению от своей философии и истины, которую сумел познать за свою яркую, но укороченную религиозным обществом жизнь, и донести до сознания мыслящих потомков .

Мученическая смерть Бруно в Риме - Вечном городе - стала мировым, историческим событием и сделала его со временем самым знаменитым из бесчисленных жертв христианской, католической церкви. Кардинал Гаспар Шопп (религиозный перевертыш, перешедший по корыстным соображениям при папе Клименте VIII из лютеранства в католичество), единственный непосредственный свидетель казни Бруно, оставивший свои воспоминания, со злорадством писал : "Так он был сожжен, погибнув жалкой смертью; думаю - отправился теперь в другие миры, что сам понавыдумывал себе, возвестить там, как обычно расправляются

римляне с нечестивцами и богохульными людьми". Известно, что не только римляне, но и все другие "божьи твари", охваченные невежеством, суевериями и религиозным фанатизмом, не терпели свободомыслия и критики в свой адрес (первый закон против нечестивцев и богохульников был принят еще в 435 г. до н.э. в языческих Афинах; одним из первых ученых, сожженных в Италии на костре инквизиции, был поэт, философ, астролог, человек огромной эрудиции и необыкновенных способностей, профессор Болонского университета Чекко д' Асколи, 1269-1327, казненный по обвинению в ереси во Флоренции за 273 года до смерти Бруно; в самом же Риме еще до Бруно были сожжены десятки еретиков: например, в 1568 г.- 5, в 1569 г. - 4, в 1572 г. - 5, в 1573 г. - 3 человека) и превращались в "торжествующего зверя", когда им надо было расправиться со своими духовными противниками - учеными, философами, еретиками, безбожниками, язычниками, иноверцами. Не исключено, что кардинал оказался "прав", и сигналы о средневековом и современном религиозном безумии людей действительно дошли и продолжают идти к тем звездным мирам во Вселенной, где существуют, пока еще не найденные человечеством, высокоразумные инопланетные цивилизации (к 2014 г. современная астрономия уже открыла в нашей Галактике и ее звездных системах свыше тысячи экзопланет, на которых продолжают дистанционные поиски признаков внеземной жизни).

В 1603 г. все многочисленные, числом более 40, философские и художественные сочинения Бруно ("Пир на пепле",1584;"О причине, начале и едином",1584; "Изгнание торжествующего зверя",1584; "О бесконечности, вселенной и мирах",1584; "О тенях

идей”,1582; “Искусство памяти”, 1582; “Критический курс лекций по “Физике” Аристотеля”,1584; “120 тезисов о природе и мире против перипатетиков”, 1584; “160 тезисов против математиков и философов нашего времени”,1589; “О тройном минимуме и о мере”,1591; “О безмерном и неисчислимых”,1591; “О монаде, числе и фигуре”,1591;”О сочетании образов, символов и представлений”, 1591; “Свод метафизических терминов”, 1591; антиклерикальные, сатирические памфлеты, комедии и поэмы - “Песнь Цирцеи”, 1581; “Подсвечник”,1581; “Ноев ковчег”; “Тайна Пегаса с приложением Килленского осла” и др.) были внесены католической церковью в “Индекс запрещенных книг” (и находились там 350 лет, вплоть до последнего обновленного издания Индекса в 1948 г.), а цензоры начали вычеркивать его имя отовсюду, где только еще оно сохранялось. Известно, что запрет и уничтожение рукописей, имен и своих духовных противников христианская церковь стала культивировать еще с конца 4-го века, когда превратилась в господствующую религиозную силу в Римской империи .

Но мир, к счастью, состоит не только из религиозных фанатиков. Почти через 300 лет в Риме, на Площади Цветов (Campo dei Fiori - Кампо деи Фиори; сегодня эта небольшая площадь в центре Рима на левом берегу Тибра служит местом сбора, свободного волеизъявления и дискуссий граждан) - месте казни Бруно, по заказу общества “вольных каменщиков” - франкмасонов (членов всемирного тайного религиозно-этического общества, объединенного по странам в масонские ложи и исповедующего цели нравственного самоусовершенствования человека, а также утопического объединения людей в единый братский союз) и на пожертвования международных гражданских организаций был

воздвигнут в честь Бруно бронзовый памятник, выполненный бесплатно известным римским скульптором, профессором, парламентарием, антиклерикалом и видным масоном Этторе Феррари (1845-1929; с 1904 г. Великий мастер “Великого Востока Италии”- масонского ордена, образованного в Италии в 1805 г.; Феррари создал известные скульптуры древнеримского поэта Овидия и революционеров, народных героев Италии Гарибальди и Мадзини, бывших в свое время также Великими мастерами ордена)

В памятнике на высоком каменном постаменте Бруно стоит в полный рост, его фигура скрыта доминиканским плащом, в опущенных и скрещенных руках он держит книгу, голова покрыта капюшоном, а лицо обращено вниз, к людям. Надпись на барельефе памятника гласит: “9 июня 1889. Бруно - от столетия, которое он предвидел здесь, где был зажжен костер”. Церковь яростно противилась установке памятника, и тогдашний понтифик, папа Лев XIII (1810-1903, папа с 1878 г.; опубликовал 60 энциклик - от лат. *enciclica* общий, для всех - папских посланий для всех католиков, т.е. намного больше, чем любой из его предшественников или преемников; его энциклика от 20 апреля 1884 г. “*Humanum Genus (On Freemasonry)*”, или “Человеческий Род”, отнесшая масонство к “сектам, в которых возрожден непокорный дух бесовской”, ускорила борьбу за установку памятника великому вольнодумцу Бруно; известен иезуитский афоризм папы, которым широко руководствуются и современные лицемерные политики: “первый закон истории гласит: не лги и не говори правду”, т.е. в этом случае ты можешь свободно манипулировать сознанием людей, и тебя никто не поймает на лжи;

с 1895 г. папа стал почетным иностранным членом Петербургской АН, что лишней раз продемонстрировало зависимость в религиозном государстве науки от попов) даже в знак протеста угрожал покинуть Италию, но светские власти Рима под давлением студенчества и прогрессивной общественности были вынуждены согласиться на установку монумента.

Такое событие стало принципиально возможным лишь после ликвидации в 1870 г. при предыдущем папе Пие IX (1792-1878, папа с 1846 г., имел самый длинный в истории папства понтификат - 32 года; вел борьбу с любыми проявлениями либерализма и социально-религиозными доктринами, которые считал "силами ада", угрожавшими свободе церкви) папской области-государства и лишения римского понтифика светской власти (первая, но безуспешная, попытка установить более ранний памятник Бруно была предпринята еще в период итальянской революции 1848-1849 гг., когда решалась судьба Италии в борьбе с Австрией). На торжество открытия памятника 9-го июня 1899 г. собралось около 6 тыс. представителей общественных организаций со всего мира, а приглашение международного Комитета по устройству памятников гласило : "Кто бы ни направился в Рим на чествование, всякий будет чувствовать, что различие нации и языков он оставил за собой и вступил в отечество, где нет этих перегородок. Присутствующие на открытии памятника, воздвигаемого с согласия и на денежные средства всех народов, будут там свидетельствовать, что Бруно поднял голос за свободу мысли для всех народов и своею смертью во всемирном Городе осветил эту свободу". Но, до сих пор большинство документов, связанных с инквизиционным процессом над Бруно (включая полный перечень выдвинутых против него

обвинений в ересь), спрятано в папских архивах Ватикана, а католическая церковь так и не соизволила покаяться за свои бесчисленные и многовековые преступления над жертвами религиозного безумия - учеными, философами, еретиками, “ведьмами” и “колдунами”, выступавшими против религиозного и церковного насилия над совестью, разумом и жизнью людей.

Жизнь Бруно: 1548-1592

Жизнь Бруно - это непрерывная цепь скитаний по странам и городам Европы и преследований его со стороны церковных и светских властей за дерзкое, смелое, философское, антиклерикальное и антицерковное устное и печатное слово (с горечью мыслитель отмечал: “глупых и несправедливых несравненно больше, чем умных и справедливых...человек является большим врагом человека, чем всех остальных животных”).

Бруно родился в семье обедневшего дворянина, неаполитанского военного, жившего в селении рядом с небольшим городком Нола, расположенным в 30 км к северо-востоку от Неаполя. Вначале он учился в местной школе, но в 11 лет родители отдали его изучать латинский язык, литературу, логику и диалектику в школу Неаполя, которую он закончил в 17 лет, в 1565 году. В этот же год, с целью дальнейшего продолжения образования, но, не имея средств для учебы в университете, Бруно стал послушником в богатом неаполитанском монастыре св. Доминика, где через два года принял монашество, получив при этом новое имя Джордано вместо Филиппо, данного ему при рождении. Жизнь в монастыре была заполнена для Бруно усиленным самообразованием, которое выработало у него критическое отношение к догматам церкви и отвращение к

схоластике (в уставе доминиканского ордена было записано, что “студентам запрещается чтение языческих философских книг”, но Бруно тайно хранил и изучал такие книги). Пройдя в течение 7 лет монастырское обучение (латинский язык, Библию, логику, схоластику) и иерархию низших церковных должностей (субдьякона и дьякона), Бруно был в 24 года, в 1572 г., рукоположен в священники и оставлен в монастырской школе старшим лектором.

Вскоре он защитил в Риме докторскую диссертацию по богословию, связанную с анализом трудов Фомы Аквинского (1225-1274; монах-доминиканец, выпускник Неапольского университета, преподаватель доминиканского колледжа Парижского университета, христианский богослов, философ и систематизатор схоластики на базе оцерковленного аристотелизма; в 1567 г. папа Пий V провозгласил Фому “учителем церкви”, а в 1570 г. вышло в свет первое издание всех трудов теолога в 17 томах; создатель католической философии и теологии – томизма, которая в 1879 г. была названа в энциклике папы Льва XIII единственно истинной философией; современный этап развития томизма - неотомизм). В 1575 г. Бруно был обвинен собратьями по доминиканскому ордену в ереси (он оспаривал ряд библейских догм, включая догму о непорочном зачатии девы Марии, о святой троице и др.) и отправился в Рим к прокуратору ордена, чтобы оправдаться, но, узнав от друзей об обыске в его келье, найденных при этом запрещенных книг и о начатом против него судебном процессе, сбросил церковную рясу и бежал из Рима на север Италии.

После трехлетних скитаний и преподавания наук в частных домах и школах Северной Италии (Генуя, Савона, Турин, Венеция,

Падуа, Бергамо, Милан), Бруно покинул страну, и в 1578 г. переехал в протестантскую, кальвинистскую Швейцарию, где, как ему казалось, он смог бы пропагандировать свое философское учение, включавшее новый взгляд на Вселенную. Несколько месяцев он пробыл в Женеве, этом “протестантском Риме”, но за публикацию брошюры с резкой критикой видных местных кальвинистов (в том числе ректора Женевского университета), попал на две недели в тюрьму, а по освобождению был выслан из страны. В Женеве в те времена еще был жив фанатичный дух церковного реформатора, “женевского папы” Жана Кальвина (1509-1564), и свежи воспоминания о его, установленном в 1541 г. теократическом режиме, когда только за 1542 - 1546 гг. по обвинению в ереси были казнены 30 мужчин и 28 женщин (из них 10 обезглавлены, 13 повешены и 35 сожжены), а еще 76 лиц поплатились изгнанием . Позже, там же, в Женеве, по распоряжению Кальвина был арестован бежавший от католической инквизиции из Франции теолог-антитринитарий (решительный критик никейской доктрины Троицы, признававший богом лишь Бога-Отца), многолетний духовный оппонент Кальвина, испанский мыслитель и врач Мигель Сервет (1511-1553; учился в университетах Сарагосы, Тулузы, Парижа, изучал библейские языки, математику, философию, теологию, право, медицину; его главные сочинения: “О тринитарных заблуждениях ”,1531; “Диалоги о Троице”,1532; “Восстановление христианства”,1553; первым в истории европейской медицины описал малый, легочный круг кровообращения), который по обвинению в ереси - “ужасных богохульствах на Троицу и Сына Божьего”, в целях “предупреждения всем, кто возводит хулу на Бога” и по приговору

женевской консистории был 27 октября 1553 г. заживо сожжен на костре (спустя 350 лет, в 1903 г., на месте казни Сервета по решению Комитета Реформаторских Церквей ученому еретику был воздвигнут гранитный монумент с надписью: «Мы, почтительные и благодарные сыновья Кальвина, нашего великого реформатора, осуждая ошибку, которая была ошибкой его эпохи, и твердо веря в свободу совести согласно истинным принципам Реформации и Евангелия, поставили этот покаянный памятник»).

В августе 1579 г. Бруно прибыл в католическую Францию, в которой, после массовой резни гугенотов в Варфоломеевскую ночь на 24 августа 1572 года (первое сообщество гугенотов, т.е. французских протестантов-кальвинистов, было основано во Франции в 1546 г., а их борьба с католиками за свободу вероисповедания и гражданские права привела к Религиозным войнам; в ночь Св. Варфоломея и в последующие дни в Париже было убито около 3 тыс. гугенотов и около 27 тыс. человек в провинциях: Лионе, Орлеане, Бордо и других городах; папа Григорий XIII, получив известие о кровавой резне, приказал отслужить в Риме благодарственный молебен, а иерархи церкви впоследствии назвали эту ночь “днем великим и радостным для всех католиков”), наступило временное религиозное отрезвление. Там он, вначале в Тулузском университете (Тулуза, как Рим и Женева, не осталась впоследствии без покаянного памятника еще одному сожженному ученому еретику - Лючилио Ванيني, см. ниже), где защитил диссертацию на ученую степень магистра и получил должность ординарного профессора философии, а затем, с 1581 г., в Парижском университете (Париж продолжил лицемерную христианскую традицию ставить памятники своим жертвам: 5

августа 1546 г. на площади Мобер был сожжен по приговору Сорбонны - богословского колледжа, основанного в 1257 г. духовником французского короля Людовика IX и ставшего с 1554 г. теологическим факультетом Парижского университета - французский гуманист, лионский типограф Этьен Доле, 1509-1546, обвиненный в критике христианских догм, издании запрещенных книг и безбожии, а через 343 года, в 1889 г. ему духовными потомками палачей был воздвигнут покаянный памятник), где получил должность экстраординарного профессора и стал читать лекции по астрономии и философии.

Своими лекциями и феноменальной памятью Бруно заинтересовал короля Франции Генриха III (1551-1589; из династии Валуа, католик, король с 1574 г.; заключил в 1576 г. мир с гугенотами, отличался религиозной терпимостью и расположением к наукам и искусствам; убит монахом-доминиканцем, приверженцем герцогов Гизов, объединивших против короля наиболее непримиримых католиков в 1576 г. в Католическую лигу и ведших во Франции религиозные войны на протяжении свыше 30 лет: с 1562 г. по 1598 г., т.е. вплоть до издания в 1598 г. королем Генрихом IV (1553-1610, первый король из династии Бурбонов, глава гугенотов во время Религиозных войн и король Наварры с 1562 г., формально король Франции с 1589 г., но фактически с 1594 г. - после перехода в 1593 г в католицизм; убит католиком-фанатиком) Нантского эдикта, предоставившего гугенотам свободу вероисповедания и гражданские права; эдикт был полностью аннулирован Людовиком XIV в 1685 г., что привело к массовому - свыше 400 тыс. чел. - исходу гугенотов из Франции в другие страны), который пригласил философа для беседы к себе и стал с

тех пор постоянным почитателем его таланта. Весной 1583 г., когда на юге Франции возобновились религиозные волнения, Бруно отправился в Англию с рекомендательными письмами короля в составе свиты французского посла Мишеля де Кастельно при дворе английской королевы Елизаветы I (1533-1603; королева с 1558 г.; инквизиция позже поставила Бруно в вину его восхваление Елизаветы как государя-еретика).

Английский период жизни Бруно стал для него наиболее счастливым и плодотворным. Он получил поддержку и покровительство французского посла и жил в его доме с весны 1583 г. по октябрь 1585 г. Вскоре по приезде в Англию Бруно выступил с лекцией в Оксфордском университете (открыт в г. Оксфорде в 12 в. по образцу Парижского университета) против общепринятой и поддерживаемой англиканской церковью космологии Аристотеля-Птолемея, а также провел несколько ожесточенных публичных диспутов с оксфордскими схоластами и теологами. В 1584 г. издал в Лондоне на итальянском языке ряд своих сочинений. Осенью 1585 г. вместе с французским посольством, высланным Елизаветой I из страны в связи с обострением отношений с Францией (последняя поддерживала католическую Испанию – заклятого врага Англии), вернулся во Францию, где провел 25 мая 1586 г. большой диспут со схоластами в парижской Сорбонне (с 17-го века Сорбонна стала вторым названием Парижского университета, основанного еще в 1170 г. на основе кафедральной школы при соборе Нотр-Дам де Пари; решения богословского факультета Сорбонны приравнивались к постановлениям церковных соборов). Этот диспут, направленный против схоластического аристотелизма, неподвижности Земли и конечности Вселенной (Бруно послал

предварительно ректору Сорбонны 120 тезисов против перипатетиков), вызвал острое возмущение католической публики: логика и физика Аристотеля вместе с геоцентрической, замкнутой системой мира Птолемея считалась в те времена нераздельными частями христианской веры и подвергались не только церковной, но и светской защите (так, например, в 1624 г. парижский парламент издал декрет, запрещающий публично поддерживать тезисы против Аристотеля, а в 1629 г. дополнительно, по настоянию Сорбонны, постановил, что противоречить Аристотелю – значит идти против церкви). Бруно, опасаясь религиозного преследования, на третий день после диспута был вынужден срочно покинуть католический Париж и переехать в соседнюю протестантскую, лютеранскую Германию. Следующие 5 лет он странствовал по городам Германии и соседних стран (Майнц, Висбаден, Марбург, Виттенберг, Прага, Гельмштадт, Цюрих), выступая с изложением своего новейшего мировоззрения, а в 1590 г. занялся во Франкфурте-на-Майне изданием своих трудов.

Арест и казнь Бруно: 1592-1600

В начале 1592 г. Бруно, уже почти 15 лет как покинувший Италию из-за опасений преследований со стороны римской церкви, принял через знакомого торговца книгами приглашение молодого, 34-летнего венецианского патриция Джованни Мочениго приехать в Венецию для обучения последнего мнемонике (у Бруно была феноменальная память, которую он еще больше развил при помощи специальных, разработанных им упражнений: свою методику он описал в книге “Искусство памяти” и читал по ней лекции), философии и магии. В 13-18 вв. олигархическая торговая Венецианская республика была независимым от Рима итальянским

государством, и Бруно надеялся на сохранение там своей свободы и безопасности. Его привлекло и то, что в 16 в. Венеция занимала в Италии по своему благосостоянию второе место после Флоренции, ее книжная торговля была всемирной, а Падуанский университет, входивший в состав республики, считался первым в Италии (Бруно надеялся найти в Падуе применение своим способностям странствующего профессора астрономии, математики и философии, хотя это ему не удалось: кафедру математики в Падуанском университете получил тосканский математик Галилео Галилей). Через 2 месяца после приезда в Венецию - 23 мая 1592 г. ученый неожиданно для всех исчез. Тайна этого исчезновения оставалась скрытой от мирового сообщества 2,5 столетия и, более того, все это время церковь даже отрицала, несмотря на свидетельства очевидцев, сам факт сожжения Бруно, лицемерно убеждая мир в том, что был сожжен только образ Бруно, а не сам мыслитель. Тайна церковной расправы над мыслителем была приоткрыта только во времена итальянской революции 1848-1849 гг., когда одному из палеографов удалось получить по делу Бруно на короткое время протоколы из архива венецианского "Совета мудрых" (венецианской инквизиции) и сделать их копии. По следам этих документов через 20 лет, в 1868 г., римским профессором философии Доминико Берти была опубликована первая биография Бруно с приложением копий протоколов венецианской инквизиции (в 1889 г. он же опубликовал второе, дополненное и расширенное издание биографии с приложением новых протоколов, которые удалось ему достать и изучить) .

Второй прорыв в церковном заговоре молчания против Бруно произошел почти через 80 лет, в 1942 г., когда ватиканский

архивариус опубликовал “Краткое изложение следственного дела Джордано Бруно” - сборник извлечений из архивов венецианской и римской инквизиции (этот рукописный сборник был найден в архивах Ватикана еще в 1896 г., но папа Лев XIII, следуя своему принципу “ни лжи, ни правды”, запретил его публиковать). Архивные документы позволили узнать тайну Бруно и Мочениго. Оказалось, что Бруно, наивно доверившись Мочениго, открыто обсуждал со своим учеником все острые мировоззренческие и религиозные вопросы, а ученик, добрый католик, прилежно, но тайно, все это записывал (“Я брал на заметку все его взгляды”- сообщал доносчик) и подробно обсуждал дальнейшие свои действия со своим духовником, под неограниченным влиянием которого он находился. Поссорившись с Бруно, который собирался отказаться от дальнейшего обучения своего малоспособного ученика и планировал покинуть Венецию, Мочениго решил ему отомстить. С помощью слуг и гондольеров-наемников он в ночь на 23 мая 1593 г. схватил Бруно и закрыл его на замок в своем доме, а утром сделал на своего учителя вначале устный, а затем письменный донос главному венецианскому инквизитору Джованни Салюцци. Когда 25 мая, после предварительных процессуальных действий, инквизиция забрала Бруно из дома доносчика в свою тюрьму, последний дополнил свои показания двумя новыми, подробными, письменными доносами, в которых называл Бруно “одержимым демоном”, и приводил все его еретические высказывания. Венецианская инквизиция, после неоднократных допросов Бруно и по настойчивому требованию нового папы Климента VIII (1536-1605, папа с 1592 г.) передала его 27 февраля 1593 г. “как еретика и

иностранца” в руки римской инквизиции, которая и осуществила окончательную расправу над мыслителем .

Как верно подмечено в , “доносы Мочениго дают нам более полную картину мировоззрения Бруно, чем все его печатные произведения”. И это понятно, так как в условиях средневековой религиозной Европы, повсеместного религиозного фанатизма и безумия, причем как властителей, так и народных масс, открыто выражать свои антиклерикальные, антицерковные, по существу, атеистические, богохульные, материалистические идеи было бы смертельно опасно. В своих публичных философских произведениях Бруно был вынужден прибегать к эзоповскому языку и тропам (аллегориям, намекам, метафорам, мифологизмам), но в беседах с человеком, которому он опрометчиво доверял, в этом не было необходимости.

Как писал доносчик, Бруно утверждал, что “религия возможна только потому, что в мире процветает невежество, и ему не нравится никакая религия ; Христос - обманщик народа, его чудеса мнимы, он маг ; дева не может родить ; нелепо, что бог един, и троичен [догма триединого бога - Отца, Сына и Святого Духа - присуща только христианству, так как оно превратило своего пророка Христа - обычного мага, в богочеловека, сына бога; христианские еретические секты ариан, альбигойцев, антитринитариев, или унитариев, анабаптистов и социниан отрицали этот догмат ; пророки иудаизма и ислама остались людьми и поэтому в этих религиях бог не троичен, а унитарен, един - Г.А.Л.]; богатство монахов - грех, у них надо отнять доходы ; нынешняя христианская церковь не та, что была у апостолов: те обращали в веру проповедью, примерами доброй жизни, любовью, а

нынешние жрецы - насилием, пытками, казнями ; не существует возмездия за грехи ; для добродетельной жизни достаточно не делать другим того, чего не желаете себе ; души не творятся богом, а сотворены природой ; мир не сотворен богом, он вечен ; существуют бесчисленные миры ; души после смерти тела попадают не в рай или ад, а переселяются в другие тела ." Уже только этого набора ересей было христианской церкви достаточно, чтобы стереть человека с лица земли.

В застенках римской инквизиции Бруно был заключен долгих 7 лет, неоднократно подвергался изощренным допросам, но, отстаивая свои убеждения, мужественно переносил физическое и духовное насилие. Многолетнее заключение было связано с высоким общественным влиянием знаменитого философа-ересиарха, или, как говорил один кардинал, "вождя еретиков" (примечательна также характеристика, которую дал Бруно венецианский прокуратор Контарини перед выдачей философа Риму: "Бруно долго жил в еретических странах и в течение всего этого времени вел распутный, совершенно дьявольский образ жизни. Он в высшей степени виновен в ереси; тем не менее, это один из выдающихся умов, какой только можно себе представить; это человек замечательной начитанности и огромных знаний"), его многочисленными трудами и разносторонними международными связями, числом и характером ересей, в которых он подозревался, а также с тем, что ранее он уже избег двух предстоявших ему инквизиционных процессов в Неаполе и Риме (вместе с тем остаются и вопросы: обычно инквизиция держала своих узников перед расправой считанные недели или месяцы, и, возможно, столь длительное заключение еретика было связано с

непрекращающимися, но неудачными попытками инквизиторов опровергнуть ереси Бруно, сломать волю и растоптать дух непокорного мыслителя) .

Инквизиторы во главе с деятелем Контрреформации, католическим богословом, иезуитом, кардиналом Роберто Беллармино (1542-1621, кардинал с 1599 г.; его основное компилятивное сочинение “Рассуждение о спорных вопросах христианской веры против еретиков нашего времени” в 3-х томах, 1581-1593 гг., а главный позор жизни – осуждение Бруно, запрет учения Коперника в 1616 г. и первый судебный процесс против Галилея; канонизирован как святой в 1930 г., а в 1931 г. причислен к “учителям церкви”) добивались от него раскаяния, отказа от своего космогонического учения и других ересей, требовали, чтобы он обратил свое талантливое перо в защиту религии и церкви. Но все их усилия ни к чему не привели. Бруно умело, упорно и смело защищал свое учение. Он был убежден в том, что “каждый, возле которого стоит вооруженная богиня мудрости, не должен считать себя беззащитным, если дело идет о том, чтобы устранить мудростью или терпением победить то, что посылает нам судьба. Собственно, жизнь человека на земле есть не что иное, как состояние войны! ” . Он не мог отказаться от своих взглядов, идей, убеждений и тем самым спасти свою жизнь, как на его месте поступило бы, несомненно, большинство обычных, слабодушных людей. Как верно отметил биограф , “вошел Бруно в темницу не как герой, но героем он вышел из нее. Там он освободился от недостойного малодушия, которое проявлял в первое время своего заключения, и достиг того нравственного спокойствия и величия, о которых свидетельствуют последние минуты его жизни”.

Суд “святой инквизиции” (последнее, заключительное судебное заседание состоялось 20 января 1600 г., а 9 февраля во дворце Великого инквизитора коленапреклонному Бруно в присутствии теологов и иерархов церкви был зачитан окончательный приговор с перечислением всех его многочисленных ересей) осудил Бруно как “нераскаянного грешника и неисправимого еретика” и постановил передать его в руки светской власти, “умоляя” ее обойтись с осужденным “милостиво и без пролития крови”, что на лживом, лицемерном церковном языке означало, что осужденный должен быть сожжен заживо. Выслушав приговор, Бруно гордо и спокойно ответил своим судьям: “Вы с большим страхом произносите мне приговор, чем я выслушиваю его”, а потом добавил: “Сжечь - не значит опровергнуть” . За неделю до казни он был лишен сана священника, отлучен от церкви и перемещен в светскую темницу. В 52 года жизнь выдающегося мыслителя была, по решению Святой Инквизиции, одобренному папой Климентом VIII, оборвана. Обнаженный, с кляпом во рту, чтобы не мог выкрикнуть опасных слов свидетелям казни, связанный цепями и веревками, умирая мучительной смертью в дыму и пламени костра, Бруно до последних минут мужественно сохранял самообладание. Свидетель казни сообщал : “Он встретил смерть, не выказав страха, и, когда перед ним поставили изображение Распятого , бросил на него беглый взгляд и отвел глаза в другую сторону”. В последние мгновения жизни его взор был устремлен в небо, туда, где, как он полагал, обитают в далеких звездных мирах высокоразумные, мыслящие существа, которые только и способны его понять и оправдать. Казнь состоялась на рассвете 17-го февраля 1600 г. под пение и молитвы церковников, старавшихся придать своему насилию, как обычно,

видимость справедливой законности, и в присутствии многочисленной толпы жаждущих душераздирающего зрелища верующих, которую смогла в этот утренний час вместить Площадь Цветов и прилегающие к ней улицы. Из жизни ушел еще один еретик, пополнив собой бесчисленный список жертв религиозного безумия христианской церкви, в который она постоянно, неумолимо и неумолимо вписывала в течение столетий всех неугодных и опасных для нее людей, начиная с “ведьм”, “колдунов” и оканчивая свободомыслящими учеными.

Космология Бруно

Свою космологию Бруно построил в результате плодотворного синтеза идей двух своих предшественников: немецкого философа-теолога, ученого Николая Кузанского (1401-1464), и польского астронома Николая Коперника (1473-1543).

Кузанец в своем религиозно-философском труде “Об ученом незнании” (1440 г.; до опубликования гелиоцентрической модели мира Коперника оставалось еще более ста лет) выдвинул ряд космологических идей, которые, вообще говоря, противоречили геоцентрической космологии христианства и подверглись нападкам тогдашних ортодоксальных теологов. Тем не менее, Кузанцу удалось оправдаться и защититься (в 1448 г. он стал даже кардиналом, а в 1450 г. - епископом), так как бескомпромиссные и жестокие времена Реформации и Контрреформации были еще далеко впереди. Эти идеи кратко можно сформулировать в виде следующих 8 гипотез: 1) Вселенная не ограничена восьмой сферой неподвижных звезд, а бесконечна в пространстве и во множестве своих вещей; 2) во Вселенной нет фиксированного, неподвижного центра (это следует как из бесконечности Вселенной - в

бесконечности невозможно выделить центр, половину или какую-либо ее долю, так и из признания философом права быть таким всеобщим центром только за богом); 3) все небесные тела - "звезды" Вселенной - находятся в движении (поскольку нет неподвижного центра, то все тела обязаны двигаться); 4) поскольку во Вселенной нет абсолютного центра, то в ней нет абсолютного движения, и любое движение относительно (абсолютное движение есть "покой и бог", а относительное движение совершается по отношению тел друг к другу); 5) Земля и любая другая "звезда" не находятся в центре Вселенной, а двигаются вокруг какого-то местного подвижного центра, причем количество таких центров во Вселенной бесконечно (современная астрономия полностью подтверждает идею полицентризма - от греч. *polu* много - и определяет причину полицентрического движения - закон всемирного тяготения); 6) Земля, любая другая "звезда" не могут двигаться по кругу вокруг местного центра (во-первых, точный, идеальный круг может быть только в боге, и, во-вторых, центр любого круга во Вселенной не фиксирован, а движется; современная астрономия рассматривает в качестве идеализированных орбит естественных небесных тел не круг, а эллипс, параболу и гиперболу); 7) Земля не является идеальным шаром, но шарообразна (идеальный шар может быть только в боге; современная наука называет форму Земли геоидом, к которой ближе всего находится эллипсоид вращения); 8) Вселенная содержит много звездных миров со своими живыми существами, подобными жителям Земли (этот свой вывод о непустоте, об обитаемости миров философ поясняет: "наше место в мире есть обитель человека, животных и растений, находящихся на менее благородной ступени, чем жители области Солнца и других звезд...

областей всех звезд, исходят природы различного благородства, населяющие каждую область, чтобы множество небесных и звездных мест не было пустым...жители других звезд несоизмеримы с обитателями нашего мира...вся та область нам неизвестна, ее обитатели остаются для нас совершенно неизвестными...В отношении других звездных областей мы равным образом подозреваем, что ни одна из них не лишена обитателей, и у единой Вселенной, по-видимому, столько отдельных мировых частей, сколько звезд, которым нет числа”).

Если Кузанец своими замечательными догадками, впитавшими в себя мысли античных атомистов, поставил под сомнения любые модели ограниченной Вселенной, то через 100 лет после него Коперник, заставив Землю вращаться вокруг собственной оси и обращаться по кругу вокруг центрального неподвижного Солнца, т.е. заменив геоцентрическую модель мира гелиоцентрической, остался в рамках все той же Вселенной, ограниченной далекой, внешней сферой неподвижных звезд. Новая космология Коперника потребовала радикального изменения устоявшегося, древнейшего, геоцентрического мировоззрения жителей Земли, но космология Кузанца, очищенная позже наукой от религии, на века вперед превзошла и опередила космологию Коперника, став наряду с нею мощным фактором революционного преодоления религиозного, догматического, приземленного сознания человечества. Эти важнейшие факторы освобождения человека от пут мифологического и религиозного мышления привел в действие Джордано Бруно, осуществив синтез космологий своих обоих великих предшественников с идеями античных философов.

О своих предшественниках Бруно уважительно говорил : “Удивительно, о Коперник, что при такой слепоте нашего века, когда погашен весь свет философии... ты смог появиться и гораздо смелее возвестить то, что приглушенным голосом в предшествующий век возвещал Николай Кузанский в книге «Об ученом незнании»”, добавляя о Кузанском в другом месте : “Этот превосходный человек много видел и понял и действительно является одним из самых замечательных умов...но, что касается познания истины, то он был подобен пловцу, которого бурные волны кидают то вверх, то вниз...Он схватывал истину частично и через известные промежутки. Причина этого та, что он не сумел освободиться от всех впитанных им ложных принципов и от общераспространенной доктрины, от которых он отправлялся”. Отмечая космологические заслуги Гераклита, Демокрита, Эпикура, Пифагора, Парменида, Мелисса и других античных натурфилософов, Бруно писал : “они знали бесконечное пространство, безграничную область, бесконечный лес, бесконечную вместимость неисчислимых миров, подобных нашему, которые так же совершают свои круговые движения, как Земля свое”.

Бруно сформулировал, пропагандировал и защищал ценою своей жизни идею бесконечной Вселенной, содержащей множество звездных обитаемых миров, построенных по образу и подобию нашего земного мира, имеющего центральную звезду по имени Солнце и ряд обращающихся вокруг нее планет, включая Землю, заселенную растениями, животными и разумными существами - людьми. Модель Солнечной системы Коперника стала для Бруно моделью всех других звездных систем, содержащих наряду с

горячими звездами холодные или теплые планеты с различными формами жизни (средневековая космология все светила, включая Землю, Луну и планеты, называла обобщенно звездами). Космология Бруно фактически открыла глаза человечеству на его будущий путь к звездам и к звездным мирам. Она зародила у человека принципиально новый, космический тип мышления и выявила глубокий космический смысл существования самого человечества.

Эти идеи оказались чужды средневековому религиозному сознанию, сосредоточенному на распятиях, иконах и церковных догматах, ибо оно не могло воспринять даже замкнутую гелиоцентрическую систему Коперника, не говоря о более продвинутой, бесконечной, полицентрической системе мира Бруно-Кузанского. По этому поводу один из героев диалогов Бруно простодушничал: “невозможно, чтобы моя голова поняла эту бесконечность, а мой желудок переварил ее”, на что Бруно устами Филотея отвечал : “Чувство не видит бесконечности... бесконечное не может быть объектом чувства... не могут быть полноценными свидетелями, а тем более не могут судить или выносить окончательное решение...интеллекту подобает судить и отдавать отчет об отсутствующих вещах и отдаленных от нас как по времени, так и по пространству...мы знаем по опыту, что оно нас обманывает относительно поверхности этого шара, на котором мы находимся, то тем более мы должны относиться к нему с подозрением, когда вопрос идет о пределе этого звездного свода”. Космологические идеи Бруно, требовавшие для своего понимания глубокого и прозорливого интеллекта, получили заслуженное признание лишь в

наше время, связанное с началом исследований далеких звездных миров и выходом человека в космос.

Справедливости ради надо отметить имя еще одного тогдашнего сторонника гелиоцентризма и одновременно бесконечной Вселенной - английского астронома и математика Томаса Диггеса (1546-1595), который в своем сочинении "Совершенное описание небесных сфер, соответствующее древнейшему учению пифагорейцев, недавно восстановленному Коперником, и доказанному геометрическим способом" (1576 г.) поддержал учение Коперника и вместе с тем выдвинул гипотезу о том, что звезды расположены во Вселенной не на внешней, звездной сфере, а на различном расстоянии от Земли - вплоть до бесконечности. Но, в отличие от Бруно, Диггес полагал, что эти далекие звездные миры не подобны нашему земному миру, нашей солнечной системе, а принципиально отличны от него и являются «дворцом величайшего Бога, пристанищем избранных, обиталищем небесных ангелов» (известный французский историк науки, философии и мистики 16-17 вв. Александр Койре, 1892-1964, подчеркивал, что Диггес "склонен помещать звезды не на небе астрономов, а на небесах теологов").

Тем не менее, представление о бесконечности Вселенной и звезд в ней позволило Диггесу впервые сформулировать прообраз классического космологического фотометрического парадокса. Его современная популярная формулировка: "Почему ночное небо темное, если Вселенная бесконечна и равномерно заполнена светящимися звездами, подобными Солнцу? Ведь в такой Вселенной луч зрения наблюдателя должен всегда и по любому направлению упираться в поверхность той или иной звезды, и следовательно, все

небо должно быть ослепительно ярким, что не наблюдается”. Этот парадокс в 1610 г. использовал И.Кеплер (см. ниже) в качестве аргумента против утверждений Бруно о бесконечности Вселенной. В 1744 г. парадокс в законченном виде сформулировал швейцарский астроном Жан Шезо (1718-1751), а в 1823 г. его “переоткрыл” немецкий астроном Генрих Вильгельм Ольберс (1758-1840). В их честь его называют парадоксом Шезо-Ольберса или только Ольберса. Диггес увидел решение парадокса в том, что далекие звезды в бесконечной и вечной Вселенной не видны в силу своей большой удаленности от нас.

Действительно, самый дальний небесный объект, который способен различить в ночном небе невооруженный человеческий глаз, это слабое пятнышко Туманности Андромеды - соседней гигантской спиральной галактики, удаленной от нашей Галактики “Млечный Путь” на 25 ее диаметров, или 2,5 млн. световых лет. Наша же Галактика видна нам изнутри в виде широкой, неравномерной, слабосветящейся полосы Млечного пути, содержащей несколько сот миллиардов звезд, из которых не более 6 тыс. воспринимаются глазом как отдельные звезды, имеющие визуальную звездную величину m до $6m$ включительно (с повышением m на единицу блеск звезды уменьшается примерно в 2,5 раза, а с повышением на n единиц - в $2,5^n$ раз), а остальные звезды и галактики Вселенной остаются для нас без телескопа невидимыми. Бруно, хотя и пробыл в Англии около двух лет, не был, видимо, знаком с сочинением Диггеса (Бруно владел итальянским, французским, испанским, латинским языками и немного греческим, но не знал английского, что следует из его собственного признания

в сочинении “Пир на пепле”) и пришел к своим выводам о бесконечности Вселенной без влияния Диггеса.

Подчеркивая заслуги Коперника, Бруно говорил о нем словами своего героя Теофила (“Пир на пепле”, 1584 г.): “ Этот человек не ниже ни одного из астрономов, бывших до него...человек, по прирожденной рассудительности стоявший много выше Птолемея, Гиппарха, Евдокса и всех других, шедших по их следам. Ему мы обязаны освобождением от некоторых ложных предположений общей вульгарной философии , если не сказать, от слепоты... кто может вполне восхвалить великий дух его, который, обращая мало внимания на глупую массу, крепко стоял против потока противоположной веры и, хотя почти не был вооружен живыми доводами, все же, подбирая ничтожные и заржавевшие обломки, которые можно получить из рук древности, заново их обработал, соединил и спаял своей более математической, чем естественнонаучной речью...он мог найти твердую почву для себя и совершенно открыто признать следующее: в конце концов необходимо считать более вероятным, что наш шар движется по отношению ко вселенной, чем допустить, что совокупность неисчислимых тел, из которых многие признаны более великолепными и более крупными, имеет вопреки природе и разуму основой и центром своих круговых движений наш шар...Кто же будет настолько подлым и невежливым по отношению к труду этого человека, который, даже если забыть то, что было им сделано, был послан богами, как заря, которая должна предшествовать восходу солнца истинной античной философии, в течение веков погребенной в темных пещерах слепоты и злого, бесстыдного, завистливого невежества ”.

Бруно считал себя “очень обязанным этим и другим старательным математикам, прибавлявшим постепенно, с течением времени, одно объяснение к другому, давшие ему достаточные основания, благодаря которым он пришел к такому суждению, которое могло созреть только после многих нелегких занятий” . Он отмечал: “какое суждение могли бы мы вынести, если бы не были предъявлены нам и не поставлены перед глазами разума многообразные проверенные данные относительно небесных или близких нам тел? Конечно, никакого”. Вместе с тем, Бруно постоянно подчеркивал, что “не смотрит ни глазами Коперника, ни Птолемея, но своими собственными, что касается суждения и определения” и что за ним остается право делать собственные выводы из данных, полученных астрономами: “восславив усердие названных великодушных умов, мы утверждаем самым ясным образом, что должны открыть глаза на то, что они наблюдали и видели, но мы не обязаны соглашаться с их понятиями, мнениями и определениями”. Он полагал, что астрономы не вполне понимают то, что сами наблюдают: “фактически они - как бы посредники, переводящие слова с одного языка на другой; но затем другие вникают в смысл, а не они сами” .

Детали космологии Бруно раскрываются через диалоги ученых лиц его философских произведений, в которых обсуждаются естественнонаучные, астрономические и философские умозаключения Ноланца. Вот как Бруно приходит к пониманию необходимости демонтажа сферы неподвижных звезд, ограничивающей Вселенную в геоцентрических моделях мира и в гелиоцентрической системе Коперника : “Звезды не более и не иначе поддерживаются небом, чем эта звезда, то есть Земля, а она

поддерживается тем же небом, то есть эфиром... эти различные тела, удаленные на определенные расстояния одни от других, находятся в той же самой эфирной области, как в том же огромном пространстве и поле. Посмотрите на основание, по которому судят о семи небесах для подвижных звезд и об одном - для всех прочих. Различные движения видны у семи планет и одно регулярное у всех прочих звезд, которые вечно подчинены тем же равным расстояниям и правилам, и это придает всем последним видимость единого движения и единой прикрепленности к единой сфере, так что получается не больше восьми наблюдаемых сфер для всех светочей, которые как бы пригвождены к ним. Итак, если мы придем к такому ясному пониманию и такому правильному восприятию, что признаем видимость мирового движения происходящей от вращения Земли, если положение этого тела в пространстве мы признаем подобным положению всех прочих тел, то сможем сперва проверить, а затем при помощи умозаключений доказать тезис, противоположный этому сновидению и этой фантазии, ставшей первым затруднением, которое заключает в себе и способно вновь породить бесконечно много других. Отсюда происходит еще одна ошибка: когда мы из центра горизонта поворачиваем глаза в каждую сторону, то можем судить о большем или меньшем расстоянии до них и между ними лишь относительно тел, расположенных ближе; но после некоторого предела во всех прочих случаях все они кажутся равно отдаленными; таким образом, глядя на звезды небосвода, мы воспринимаем различие движений и расстояний некоторых более близких звезд, но более далекие и самые отдаленные нам кажутся неподвижными и находящимися на одинаковом расстоянии от нас и между собою.

Итак, когда мы не видим многих движений этих звезд, то они не кажутся удаляющимися или приближающимися одна от другой или одна к другой; однако это происходит не оттого, чтобы как та, так и другие не совершали своих кругов; ведь нет никакого основания, чтобы на тех звездах не совершались такие же самые, что и на наших, события, благодаря которым тело, чтобы получить силу от другого, таким же самым образом должно двигаться вокруг другого. Поэтому их можно называть неподвижными не по тому соображению, что они в самом деле сохраняют то же самое равное расстояние от нас и между собою, но лишь по тому, что их движение нечувствительно для нас. Это можно видеть на примере очень отдаленного корабля, который, если сделает передвижение на тридцать или сорок шагов, тем не менее будет казаться прочно стоящим, как если бы он не двигался вовсе. Так, сохраняя пропорцию, надо рассматривать при больших расстояниях самые большие и самые светлые тела, из которых, возможно, многие и бесчисленные столько же велики и такие же сияющие, как Солнце, и даже сильнее. И их орбиты и движения, намного большие, не видны; поэтому если у некоторых из этих звезд произойдет разница в приближении, то о ней можно узнать только благодаря самым длительным наблюдениям, которые не начаты и не продолжаются, так как в такие движения никто не верил, не исследовал их и не предполагал; а мы знаем, что в начале исследования лежит знание и познание того, что вещь есть или что она возможна и нужна и что из нее извлечется польза ”.

А вот что говорят герои Бруно о бесконечности Вселенной, появившейся после того, как Ноланец удалил сферу неподвижных звезд и другие промежуточные небесные сферы (в 1577 г., т.е. за 7

лет до выхода книги Бруно “Пир на пепле”, датский астроном Тихо Браге обнаружил комету за пределами лунной сферы, которая пересекла границы нескольких внутренних небесных сфер, что явилось для него убедительным доказательством отсутствия каких-либо реальных сфер во Вселенной, но, видимо, Бруно еще не знал об этом открытии и пришел к нему собственным путем): “Ноланец, пересекший воздушное пространство, проникнув в небо, пройдя меж звездами за границы мира, заставил исчезнуть фантастические стены первой, восьмой, девятой, десятой и прочих, каких бы еще ни прибавили, сфер, согласно рассказам суетных математиков и слепых вульгарных философов ...наш разум не скован больше кандалами фантастических восьми, девяти или десяти двигателей... вселенная бесконечна...она состоит из неизмеримой эфирной области...есть только одно небо, одна бесконечная эфирная область... считает мир бесконечным и поэтому не признает в нем никакого тела, которому абсолютно необходимо было бы находиться в середине, или в конце, или между этими двумя пределами; всякому телу свойственно быть лишь в некоторых отношениях с другими телами и пределом, взятым произвольно...все профессора при всей своей учености не смогут никогда отыскать сколько-нибудь вероятного довода, по которому существовал бы предел этому телесному миру и по которому, следовательно, также и звезды, находящиеся в пространстве, имелись бы в определенном числе и кроме того естественно определялся бы центр и середина его... мы, смотрящие не на фантастические тени, а на самые вещи, мы, видящие тело воздушное, эфирное, одухотворенное, жидкое, способное к местному движению и покою, вплоть до безмерности и бесконечности, что должны во всяком случае утверждать, так как

не видим какого-нибудь конца ни чувственно, ни умозрительно,- мы знаем определенно, что, будучи следствием и бесконечной причины и бесконечного начала, оно должно, согласно своей телесной способности и своему модусу, быть бесконечно бесконечным” .

Широко обсуждает Бруно вместе со своими героями идею множественности звездных миров: “Земля и столько других тел, называемых звездами, суть главные члены вселенной... существует единое небо, называемое пространством и лоном, в котором имеется много звезд; равным образом Луна, Солнце и другие бесчисленные тела держатся в этой эфирной области так же, как и Земля... есть столько планет, столько звезд.. существуют неисчислимые земли, подобные нашей...другие небесные шары суть Земли и ничем не отличаются от нашей Земли по своему виду, лишь за исключением того, что они больше или меньше ее... те шары, которые состоят из огня, как Солнце, отличаются своим видом от других, как горячее от холодного, как самосветящееся от светящего отраженным светом...тела, испускающие теплоту, - это солнца, сами по себе светящиеся и горячие; тела, испускающие холод, - это земли... воспринимаются не сами по себе, но благодаря свету Солнца, рассеянному по их поверхности... это великие животные, из коих многие, с их ярким светом, испускаемым их телами, чувствуются всем окружением. Одни из них действительно теплые, как Солнце и прочие бесчисленные светила, другие холодные, как, например, Земля, Луна, Венера и другие неисчислимые земли”.

Вслед за античными атомистами и Кузанцем герои Бруно говорят об обитаемости этих миров: “это он заставил людей находиться на Солнце, Луне и других названных светилах, как если бы люди были их первоначальными обитателями; он показал,

насколько схожи и не схожи, больше или хуже тела, видимые как отдаленные от того тела, на котором находимся мы сами и с которым мы соединены...если бы мы были на Луне или на другой звезде, мы были бы в месте, не очень отличающемся от Земли... Луна есть не больше небо для нас, чем мы для Луны...могут быть другие тела, столь же хорошие и даже лучшие сами по себе и способные дать больше счастья своим обитателям". В средневековые мысли об обитаемости других, отличных от Земли миров, начиная с Солнца и Луны, не казалась такой уж фантастической для религиозного мышления, верившего в реальность богов, ангелов, чертей, ведьм, колдунов и т.п. В это же верили и многие ученые, включая Галилео Галилея и Иоганна Кеплера, - дети своей эпохи. Так, например, Кеплер писал Галилею после того, как тот открыл в 1610 г. с помощью зрительной трубы 4 спутника Юпитера : "Я не считаю более столь уж невероятной мыслью о том, что не только на Луне, но даже и на Юпитере обитают живые существа...четыре новые планеты, несомненно, сотворены не столько для нас, обитателей Земли, сколько для живых существ на Юпитере, расселившихся по всему его шару...те страны еще предстоит открыть. Стоит лишь кому-нибудь выучиться искусству летать, а недостатка в колонистах из нашего человеческого рода не будет... Дайте лишь корабль и приладьте парус, способный улавливать небесный воздух, как тотчас же найдутся люди, которые не побоятся отправиться в такую даль ".

Гораздо труднее астрономам и ученым было поверить в идею Бруно о бесконечности Вселенной и множественности звездных миров, подобных Солнечной системе. Так Кеплер в своем сочинении "Разговор со звездным вестником", публично отвечая Галилею на

его книгу “Звездный вестник”, опубликованную в 1610 г., остро, но, как показало время, ошибочно полемизировал с Бруно : “неподвижные звезды испускают свет изнутри, а плотные планеты, наоборот, очерчены снаружи. Иначе говоря, если воспользоваться словами Бруно, неподвижные звезды - это Солнца, а планеты - Луны или Земли. А чтобы Бруно не перетянул нас на сторону своего учения о бесконечно многих мирах (их столько, сколько существует неподвижных звезд), подобных нашему миру, нам на помощь приходит твое третье наблюдение о бесчисленном множестве неподвижных звезд над нами ...чем больше их и чем плотнее они располагаются на небе, тем правильнее моя аргументация против неограниченности мира...населенный людьми уголок мира с Солнцем и планетами занимает особое положение, в силу чего невозможно, чтобы с какой-нибудь неподвижной звезды открывалась такая же картина мира, как с нашей Земли или Солнца...если те Солнца того же рода, что и наше Солнце, то почему бы им всем, взятым вместе, не превосходить по блеску наше Солнце? Как может быть свет, изливаемый всеми далекими Солнцами на открытые пространства, столь слаб, что наше Солнце...по блеску превосходит неподвижные звезды в том виде, в каком мы видим их на почти безграничном удалении за стенами комнаты. Может быть, ты сошлешься на то, что неподвижные звезды находятся от нас на слишком большом расстоянии? Однако подобное возражение не относится к существу дела. Ведь чем больше расстояния, тем больший диаметр имеют отдельные звезды, если рассматривать их как Солнца”.

Здесь у Кеплера срабатывает странная логика: в 1604 г. он сам же сформулировал фундаментальный закон фотометрии - закон

обратных квадратов, гласящий, что освещенность E предмета пропорциональна силе света I точечного источника - а звезда как раз и является таким источником - и обратно пропорциональна квадрату расстояния r от него: $E=I/r^2$, т.е. освещенность в зрачке наблюдателя квадратично убывает с удалением звезды, что на практике проявляется в виде соответствующего ослабления блеска звезды и увеличения ее видимой звездной величины m (уменьшение блеска, или яркости звезды, физически объясняется уменьшением с расстоянием плотности потока фотонов, испускаемых звездой, распространяющихся от нее в некотором телесном углу по направлению к глазу наблюдателя, вызывающих энергетическое возбуждение зрительных элементов сетчатки глаза и формирование на ней изображения в случае превышения потоком фотонов пороговой чувствительности глаза). Так, например, если наше ослепительное Солнце, имеющее видимую звездную величину $-27m$, поместить на то место, которое в Галактике, в созвездии Большого Пса занимает самая яркая звезда ночного неба Сириус (она как и Солнце имеет отрицательную звездную величину $-1,5m$; блеск Солнца в $2,5(27-1,5=25,5) \approx 14$ млрд. раз больше блеска Сириуса) и удалена от нас на $8,8$ световых лет, то блеск Солнца на таком удалении окажется в 23 раза меньше блеска Сириуса (абсолютная звездная величина Солнца $+4,7$, а Сириуса $+1,3$, т.е. светимость Сириуса в $2,5(4,7-1,3=3,4) \approx 23$ раза выше, что объясняется тем, что его диаметр и температура поверхности примерно в 2 раза больше аналогичных показателей Солнца: Сириус - белая звезда спектрального класса $A1$, а Солнце - желтая звезда-карлик класса $G2$).

Кеплер безосновательно и чисто умозрительно увеличивая диаметр звезды по мере ее удаления от нас в глубины Вселенной, видимо, планировал тем самым увеличить ее полный световой поток и силу света, сохранив, независимо от удаления звезды, ее “солнечный” блеск неизменным для земного наблюдателя и, как следствие, посрамив таким “аргументом” выводы Бруно о бесконечности Вселенной. Современная астрономия установила, что в реальности имеются отдельные звезды, называемые красными сверхгигантами, диаметры которых превышают поперечник Солнца в сотни раз (впервые истинные размеры звезды были установлены в 1920 г. для α Ориона - красного сверхгиганта Бетельгейзе, удаленного от нас на 650 световых лет и имеющего видимую звездную величину 0,8 m , при том, что его диаметр в 850 раз, а светимость в 70 тыс. раз больше диаметра и светимости Солнца).

Далее Кеплер продолжает: “...тело нашего Солнца по блеску в неподдающееся оценке число раз превосходит все неподвижные звезды, вместе взятые . Следовательно, наш мир - не просто один из членов стада, содержащего бесконечно много других миров ... Может их затемняет эфир в межзвездном пространстве? Отнюдь, ведь мы видим, как они мерцают, видим, что они отличаются по внешнему виду и цвету. Все это было бы невозможно, если бы плотность эфира представляла некое препятствие”. Заметим, что Ольберс выдвинул для разрешения фотометрического парадокса гипотезу о поглощении света в межзвездной среде неким рассеянным веществом, и такое поглощение света облаками космической пыли и газа действительно было открыто в 1847 г. русским астрономом немецкого происхождения Василием Струве (1793-1864). Объяснение парадокса с помощью экранирования света

оказалось несостоятельным, так как вещество межзвездного пространства, поглощая и переизлучая электромагнитную энергию бесконечного числа звезд в бесконечной, вечной, неизменяемой, стационарной Вселенной, само должно было бы становиться новым источником света, что не наблюдается. Фотометрический парадокс был разрешен только в 20-ом веке на базе концепции эволюционирующей, нестационарной, расширяющейся Вселенной, в которой звезды не вечно светят, а рождаются и умирают, причем в той части Вселенной, которая доступна нашему наблюдению их число пусть и огромно, но конечно, что не позволяет им закрыть собой весь небосвод. По некоторым подсчетам плотное, круг к кругу по лучу зрения размещение всех звезд в наблюдаемой нами Вселенной закрыло бы не более одной десятиллиардной доли небесной сферы.

Кеплер продолжает: “На тот случай, если бы тебе удалось обнаружить планеты, обращающиеся вокруг одной из неподвижных звезд, у меня были приготовлены оковы и узилища в виде бесчисленных миров Бруно, или, лучше сказать, изгнание в безграничное пространство...Ты же утверждаешь, что четыре новые планеты прокладывают свои орбиты не вокруг одной из неподвижных звезд, а вокруг Юпитера...ты обосновал заимствованную у Бруно теорию нашего Брюса и отчасти поставил ее под сомнение. Эти двое считают, что вокруг других небесных тел Луны обращаются так же, как обращается вокруг нашей Земли ее Луна. Ты же показываешь, что они высказали некое общее утверждение. Однако они полагали, будто существуют неподвижные звезды, вокруг которых обращаются Луны, а Бруно даже назвал причину, по которой это должно непременно

происходить...Твои открытия показали, что рассуждения Бруно покоятся на шаткой основе. Даже если мы предположим, что все неподвижные звезды - Солнца, то до сих пор никому не удавалось наблюдать вращающиеся вокруг них Луны. Вопрос о спутниках неподвижных звезд останется нерешенным до тех пор, пока кто-нибудь, владеющий искусством производить необычайно точные наблюдения, не откроет их. Некоторые считают твой успех позволяет питать такие надежды. Юпитер же принадлежит к числу планет, которые Бруно называл Землями, а вокруг него обращаются четыре новые планеты! Это противоречит учению Бруно не о Землях, а о Солнцах". Приведенные отрывки примечательны тем, что показывают, насколько даже такой великий астроном как Кеплер оказался далек от опередивших свое время революционных космологических идей Бруно, хотя и был с ними близко знаком.

Бруно, подобно всем античным и средневековым философам, понимал Природу, Вселенную как совокупность тел, состоящих из вещества (материи), которое представляет собой простые и сложные соединения различных первоэлементов (воды, земли, воздуха, огня, эфира - у Эмпедокла, Анаксагора, Платона, Аристотеля и их последователей, или атомов - у античных атомистов). Всем мыслителям прошлого была еще неведома иная, помимо зримого и ощущаемого вещества, форма материи - поле (включая поле тяготения, или гравитации, магнитное, электрическое и другие поля), и поэтому все процессы движения и развития материального мира они могли связать только с незримыми, скрытыми в телах силами, понимаемыми обобщенно как некие внутренние начала, жизни, или души, тел. Так, например, еще в 6 в. до н.э. древнегреческий мудрец Фалес наделял душой

магнит и натертый янтарь, которые притягивали соответственно железо и соломинки (Бруно вслед за Фалесом пояснял: “в железе имеется как бы чувство, пробуждаемое духовной силой, которая изливается магнитом, каковым чувством железо движется к магниту, а соломинка к - янтарю”).

Бруно писал : “ имеют жизни в себе и благодаря ей, вследствие упорядоченного и природного влечения по внутреннему своему началу, движутся через соответствующие пространства... имеют собственное внутреннее начало движения, собственную природу, собственную душу, собственную интеллектуальность...нет иных внешних двигателей, которые с помощью фантастических движений сфер переносили бы эти тела как пригвожденные к ним, а если бы это было истиной, то движение было бы насильственным, находящимся вне природы движущегося тела...Все происходит от достаточного внутреннего начала, благодаря чему, естественно, находится в самодвижении, а не в движении от внешнего начала, что, как мы видим, всегда бывает с теми телами, причиной движения которых является противоположная или внешняя им природа... естественное - хочешь не хочешь - начало внутреннее, которое само по себе движет вещь, куда следует...Земля и другие звезды движутся согласно собственным местным отличительным свойствам внутреннего начала, которое есть своеобразная душа... чтобы влиять друг на друга и сообщать одно другому жизненное начало, одни из них совершают свое движение вокруг других, в определенных пространствах, на определенных расстояниях, как это делают и эти семь светил, вращающиеся вокруг Солнца. Одним из них является Земля, которая, вращаясь вокруг себя в 24 часа в пространстве со стороны, называемой западом, к востоку, дает

видимость движения вселенной вокруг нее, называемого мировым и суточным движением. Это последнее представление в высшей степени ложно, противоестественно и невозможно; возможно же, приемлемо, истинно и необходимо утверждение, что Земля вращается вокруг своего центра, чтобы иметь свет и тьму, день и ночь, тепло и холод, движется вокруг Солнца для получения весны, лета, осени, зимы, вокруг так называемых полюсов и противоположных точек полушарий для обновления веков и изменения своего лица: чтобы там, где было море, стала твердь, где было знойно - сделалось холодно, где был тропик - получился экватор, и, наконец, чтобы совершались во всех вещах перемены как на нашей, так и на других звездах, называемых древними философами не без основания мирами”.

Движения небесных тел происходят, согласно Бруно, вследствие их одушевленной природы (они - “великие животные”) и целей (“в природе не существует ничего без провидения и без целевой причины”), которые они, якобы, сами себе ставят. На самом деле, как мы сегодня понимаем, “одушевленные природы”, “провидение” и “цели” являются не причинами, а всего лишь побочными следствиями естественного, природного, закономерного движения тел под действием материальных сил поля всемирного тяготения и других физических полей. Эти “одухотворенные”, или пантеистические (от греч. pan все + theos бог = “все есть бог”, т.е. природа есть бог), взгляды на источник движения небесных тел некоторые современные, поверхностно и фрагментарно мыслящие люди, ставят в упрек Бруно, называя его не ученым, а оккультистом (от лат. occultus тайный, скрытый, верящий в существование сверхъестественных сил, недоступных научному познанию). Нет

ничего более далекого от истины, чем этот ярлык, приклеиваемый к человеку, который всю жизнь стремился к знанию и естественнонаучному объяснению мира. В своих оценках деяний того или иного человека всегда следует учитывать уровень знаний современной ему эпохи. В целом в своей космологии Бруно более чем на 300 лет опередил свою эпоху, хотя в частности (например, в объяснении причин движений небесных тел) и остался ее дитем.

Резюмируя заслуги Бруно в космологии, следует отметить, что он одним из первых средневековых европейских ученых понял и принял новое, гелиоцентрическое учение Коперника, появившееся на свет за 5 лет до рождения Бруно. Учение Коперника, изложенное автором в трудной для обывательского понимания книге “Об обращении небесных сфер”, было доступно разуму очень немногих людей. Большинство ученых того времени, включая астрономов и философов, просто не понимали его и подвергали осмеянию как пустую фантазию автора. Бруно, обращаясь к таким ученым, обычно советовал (этот совет действителен и для читателей книг самого Бруно): “кто не вместит написанного, то пусть лучше не судит, а пребывает в сомнении до тех пор, пока, проникнув в самую сердцевину смысла, не вынесет окончательного решения” . Даже такой выдающийся английский философ-материалист, как Фрэнсис Бэкон (1561-1626), писал в 1605 г. в своем трактате “О достоинстве и приумножении наук”, что “положение Коперника о вращении земли (распространенное и в наше время), поскольку оно не противоречит тому, что мы наблюдаем, нельзя опровергнуть исходя из астрономических принципов, однако же это можно сделать исходя из правильно примененных принципов естественной философии”, а в другом месте добавлял: “ понятия обнаруживают в

Копернике человека, который не задумывается внести в природу все возможные вымыслы, заботясь только о том, чтобы его вычисления вышли верно ". Но Бруно, несмотря на непонимание и противодействие средневекового ученого мира, смело пропагандировал учение Коперника, защищал и популяризировал его, развивал и делал из него далеко идущие, революционные мировоззренческие выводы.

Астрономические идеи Бруно не составляют, как у Птолемея или Коперника, строгую, обоснованную, математическую систему, а рассыпаны как алмазные искры по его сочинениям среди множества философских суждений, многие из которых носят сомнительный, спекулятивный, чисто умозрительный характер. Читателю или исследователю его трудов необходимо проделать серьезную работу рудокопа, чтобы отыскать среди пустой породы эти драгоценности. Впрочем, такой же упрек можно адресовать не только Бруно, но большинству (если не всем!) философам античности, средневековья и современности. Поэтому не следует их судить за то, что они не сумели сделать, но стоит быть благодарными им за то, что они сделали. Бруно своими астрономическими идеями-искрами наметил контуры новой, звездной космологии, частью и основой которой стала гелиоцентрическая система Коперника. В своей космологии он не просто заменил господствовавшую почти полтора тысячелетия в науке и в обществе геоцентрическую модель Вселенной Аристотеля-Птолемея моделью Коперника, но, ввел новые, принципиально важные идеи, которые получили развитие в ходе дальнейшего движения науки.

Бруно сделал:

1) правильно дополнил систему Коперника в деталях: вращением и обращением Солнца. У Коперника Солнце стоит неподвижно в центре Вселенной, а Бруно утверждал, что оно вращается вокруг своей оси и меняет свое место по отношению к другим звездным мирам (об этом он говорит в сочинении “О безмерном и неисчислимых”, 1591 г.). Вращение Солнца вокруг своей оси, визуально проявляющееся в виде движений солнечных пятен, наблюдал в телескоп уже Галилео Галилей в 1610 г., а в 1788 г. английский астроном Уильям Гершель открыл движение Солнца среди звезд и построил первую модель нашей Галактики “Млечный Путь”. Современная астрономия определила, что Солнечная система движется вокруг центра Галактики на ее периферии с периодом обращения около 220-230 млн. лет;

2) ввел в рассмотрение вместо ограниченной Вселенной, принятой в равной мере Птолемеом и Коперником (в их моделях Вселенная ограничена восьмой, внешней сферой неподвижных звезд: у Птолемея эта сфера вращается, а у Коперника неподвижна), новую, бесконечную, звездную модель Вселенной, содержащую бесконечное множество звездных миров. Иными словами, он убрал из Вселенной барьер в виде звездной сферы и направил в открывшееся за ней пространство не просто одиночные звезды или созвездия бывшей сферы, но целые звездные миры, т.е. сложные звездные системы. Современная астрономия рассматривает Вселенную как совокупность метагалактик, галактик, звездных скоплений, звездных систем и звездных туманностей, в которых периодически рождается и умирает бесчисленное множество звездных миров;

3) раскрыв и бесконечно углубив звездную сферу, Бруно тем самым разрушил древние представления о созвездиях, как о фиксированных на сферической плоскости символических фигурах животных, богов или других существ (в бесконечной Вселенной созвездия стали не плоскими, а объемными: каждая звезда каждого созвездия получила возможность иметь свое собственное, отличное от соседней звезды, удаление, или расстояние от земного наблюдателя). Современная астрономия уже определила расстояния до миллионов звезд и установила, что многие звезды в созвездиях удалены от земного наблюдателя по лучу зрения на расстояния, значительно превышающие видимые сферические размеры самих созвездий;

4) распространил на звездные миры своей новой модели Вселенной принципы системы Коперника, т.е. принципы Солнечной системы. Каждый звездный мир у Бруно стал похож по своей структуре на солнечную систему, т.е. на вращающуюся звезду с вращающимися планетами, одновременно обращающимися вокруг нее (“каждое светило, в силу собственной жизни, свободно вращается вокруг своего центра и вокруг своего Солнца”). В 1927 г. астрономы Григорий Шайн (СССР) и Отто Струве (США) установили факт вращения звезд, а современная астрономия открыла множество звезд, имеющих планетные системы, или, так называемые, экзопланеты;

5) сделал правильный вывод о том, что в бесконечной Вселенной наш мир, наша Солнечная система является лишь незначительной частью Вселенной. Этот вывод стал (после фундаментального вывода Коперника о нецентральной позиции Земли в Солнечной системе) вторым гвоздем, вколоченным в

крышку гроба ложных учений геоцентризма и антропоцентризма, проповедуемых апологетами религии. В 1924 г. американский астроном, основатель внегалактической астрономии Эдвин Хаббл, впервые оценил расстояние до пятнышка звездного неба, известного как Туманность Андромеды, и открыл, что она является другой галактикой, удаленной от нас на 25 диаметров нашей Галактики. С тех пор открыты миллиарды галактик, содержащих каждая миллиарды звездных систем. На этом фоне наша Солнечная система, как бы нам не казалось это обидным, есть незримая пылинка, затерянная в бесконечной Вселенной;

6) правильно указал, что Солнце не расположено в центре Вселенной, что в бесконечной Вселенной нет неподвижного центра, или “центр Вселенной повсюду”. Современная физика и космология базируются на теории относительности и подтверждают истинность идеи Бруно;

7) правильно утверждал, что вечная и бесконечная Вселенная в целом едина и развивается во времени, т.е. не является результатом одноактного, завершенного, божественного творения. Современная астрономия подтверждает взаимосвязь всех процессов во Вселенной и ее непрерывную эволюцию в пространстве и во времени. Гипотеза Большого Взрыва, возможно произошедшего около 14 млрд. лет назад, некоторыми трактуется как одномоментный акт рождения Вселенной “из ничего”, но, на самом деле “из ничего ничего не происходит” и даже если такой взрыв и состоялся когда-то, то он только трансформировал одну форму материи в другую, один вид Вселенной (возможно, безжизненной) в другой, новый, жизнеспособный вид Вселенной, частью и свидетелями которой мы являемся;

8) обогатил новую модель Вселенной глубокой гипотезой о существовании в далеких звездных мирах жизни и мыслящих существ, подобных земным. Бруно любил повторять: “если для нас - земных обитателей - жители других планет находятся в небе, то для них наша Земля - тоже в небе, а мы - небожители” .Доказательство этой гипотезы ищет современная наука.

Таким образом, вслед за античными натурфилософами-материалистами, но почти через 2 тыс. лет после них и впервые в средневековой Европе, Бруно выдвинул полноценное, естественнонаучное, лишенное божественного вмешательства учение о бесконечности Вселенной и множественности ее миров (в том числе и обитаемых), положив в его основу только что созданную Коперником гелиоцентрическую систему. Космологические идеи Бруно на столетия предвосхитили фундаментальные моменты современного нам понимания Вселенной . Как вдохновенно сказал А.Золотарев, переводчик сочинения Бруно “Изгнание торжествующего зверя” : “Джордано Бруно открыл путь к звездам, бестрепетно воззвав людей из-под власти Зверя на межзвездную дорогу”. Первые практические шаги в этом направлении были сделаны человечеством через 350 лет после смерти Бруно - в 20-ом столетии, давшем старт началу космической эры. Но и сегодня большинство землян еще продолжают оставаться под властью “торжествующего зверя” - невежества, предрассудков, мифологии и религии.

Философия Бруно

Бруно - это прежде всего философ астрономии, но, несомненно, значимы для истории науки и его общефилософские взгляды. Все философские поиски Бруно связаны с природой, вселенной и

отысканием в ней единого начала и причины развития. Он пишет: “всякая вещь есть единое, и познание этого единства является задачей и целью всех философий и естественных созерцаний... истинный философ не ищет божества вне бесконечного мира и бесконечных вещей, но внутри его и в них” .

На формирование мировоззрения Бруно повлияли идеи античных философов (Пифагора, Парменида, Анаксагора, Платона, Аристотеля, Демокрита и др.), Николая Кузанского и более поздних деятелей Возрождения: итальянского живописца, скульптора, архитектора, инженера и ученого Леонардо да Винчи (1452-1519), отстаивавшего решающее значение опыта в познании природы и выступавшего тем самым против вмешательства теологии, схоластики и мистики в этот процесс (следуя Леонардо, Бруно говорил: “Зачем нам прибегать к пустым фантазиям там, где нас учит сам опыт?”); итальянского математика, врача и философа Джероламо Кардано (1501-1576), полагавшего, что в основе всех вещей лежит пассивная первома́терия, оформляемая и оживляемая “мировой душой” - неким духовным началом, всеобщим принципом происхождения и движения вещей (понятия “мировой души”, или “мирового ума”, сложились в неоплатонизме во 2-3 вв.); итальянского философа Бернардино Телезио (1509-1588), который основал в Неаполе Академию для опытного изучения природы, а в своей книге “О природе вещей согласно ее собственным законам” (1565 г.) возродил, выступая против схоластического аристотелизма, традиции ранней греческой натурфилософии с ее материализмом и гилозоизмом (Телезианская Академия была по приказу римской курии закрыта, сам Телезио подвергся религиозным нападениям, а его книги в 1606 г. были внесены в

“Индекс запрещенных книг”). Бруно, как и его предшественники, верил, что “ничто не мешает раскрывать тайны природы тому, кто начинает от экспериментального основания, и тому, кто начинает от рациональной теории” .

Свои, по существу материалистические, атеистические взгляды на мир, Бруно выражал, подобно Кардано, Телезио и ряду других натурфилософов эпохи Возрождения, в форме философии пантеизма, т.е. учения, отождествлявшего бога с природой и рассматривавшего природу как воплощение божества (античные натурфилософы часто использовали для объяснения причин движения в природе предшествующее пантеизму учение гилозоизма - от греч. *hyle* вещество + *zoe* жизнь - учение о всеобщей одушевленности материи; гилозоизму и пантеизму в философском плане близок, но не тождественен, оккультизм - система представлений о существовании в космосе и в человеке скрытых, сверхъестественных сил, доступных якобы познанию и использованию лишь “посвященными”, прошедшими специальную психическую, магическую тренировку). Следует совершенно ясно понять, что всякие попытки полностью исключить бога из средневековой картины мироздания, насквозь пропитанной невежеством и религиозным фанатизмом общества, а также бдительно охраняемой христианской церковью, стали бы для любого философа подобны самоубийству (даже сегодня, в 21-м веке, в ряде религиозных стран мира, прежде всего мусульманских, публичные утверждения о несуществовании бога приравниваются к терроризму и государственной измене, а наказанием за это является смертная казнь или тюрьма), и поэтому в те времена философия была полностью подчинена религии. Это понимали

стихийные натурфилософы эпохи Возрождения: все они были вынуждены учитывать религиозный диктат окружения, маскировать свои истинные мысли и психологически раздваивать собственную личность: с одной стороны, оставаясь верующими, они прилежно посещали церковные службы, публично признавали реальность бога и воспитательно-нравственное значение религии, а, с другой стороны, пытаясь отделить философию от религии и научные истины от религиозных догм, отстаивали свое право исследовать тайны природы, опираясь не на указания и запреты теологов или схоластов, а на опыт, эксперимент, здравый смысл, разум и науку. Бруно говорил об идеях, оторванных от природы, об “идеальных отпечатках, отдельных от материи”, что они являются “если не чудовищами, то хуже, чем чудовищами, я хочу сказать, химерами и пустыми фантазиями” .

Первым в средневековье восстал против слияния философии с религией и использования философии для целей обоснования религиозной веры представитель неоплатонизма в еврейско-арабской философии, еврейский философ и поэт Соломон Гебироль, или Авицеброн (1021-1058), живший в Испании. Он потребовал освободить философию от подчинения религии. В своем учении, изложенном в книге “Источник жизни” (в 1150 г. переведена с арабского на латинский язык, оригинал не сохранился), он, в отличие от классических неоплатоников, считавших материю самой последней, низшей и “злой” сущностью, придал материи, приблизив ее к божеству, чрезвычайно высокий статус. Он рассматривал материю как единую субстанцию не только всего телесного, вещественного, но и бестелесного, духовного, т.е. признавал материальность духовного: “дух развивается из материи”. Эта идея

была позже воспринята и развита Бруно. Противостоять агрессивной христианской идеологии, поработившей разум человека, пытались многие смелые средневековые мыслители, в частности, живший в Испании (в Кордове) и Марокко арабский врач и философ, комментатор Аристотеля Ибн Рушд (в лат. традиции Аверроэс, 1126-1198), создатель аверроизма - одного из философских направлений средневекового аристотелизма. Он, выступая против неоплатоников и мистиков, ставил, вслед за Аристотелем, на первое место в познании мира не веру, но разум и логическое мышление. Даже счастье Аверроэс измерял степенью развития у человека его интеллекта (хотя, конечно, и безумцы могут быть по-своему счастливы). Как и Аристотель, Аверроэс пришел к выводу о вечности и несотворимости мироздания и лежащей в его основе материи, способной принимать различные формы. Развивая учение Аристотеля в материалистическом направлении, философ утверждал, что формы естественных вещей в виде возможностей (потенций) не привносятся в материю извне, а уже заключены в самой материи, из которой они извлекаются благодаря воздействию активной причины. Фундаментом его философии - натуралистического пантеизма - стало отрицание мирсотворения "из ничего" и признание смертности индивидуальной души человека (душа умирает вместе с телом, а бессмертным признается лишь мировой ум, или разум, - бесконечная нематериальная субстанция, общая, единая для всех существ и воздействующая извне на отдельные живые души).

Такие взгляды находились в резком противоречии с догмами богословия, которые утверждали сотворенность мироздания, независимое существование единого и стоящего над миром Творца -

первопричины всего сущего, провидца, управляющего миром и людьми, а также вечную загробную жизнь индивидуальной человеческой души. В целях исключения опасного конфликта с религией (“боюсь вступить в противоречие с богословием” - говорил философ), Аверроэс и его последователи предложили учение “О двух истинах”, или “Принцип двойственной истины” - истины веры и истины разума, которые противоположны друг другу. Полагая, что религия, как моральная система использующая образно-аллегорическое толкование Священного писания, нужна для невежественной, темной массы людей, Аверроэс утверждал необходимость “чистой, или рациональной” философии как системы знаний для образованных людей - “высших умов”, т.е. людей науки и философии. Он считал, что область веры (сфера откровения и теологии) резко отличается от области разума (сферы философии), и эти области необходимо рассматривать отдельно, независимо друг от друга, ибо ложное с точки зрения богословия, может быть истинным в философии и наоборот. Более того, мыслитель полагал, что религия стоит ниже философии и должна приспособлять к ней свое учение. Бруно с большим уважением отзывался об Аверроэсе, говоря, что он “в перипатетическом учении понял больше, чем любой грек, какого только мы читали; и он понял бы еще больше, если бы не был столь предан своему божеству - Аристотелю” .

В 13 в. центром аверроизма был Парижский университет, а в 14-16 вв. - университеты Падуи и Болоньи. Виднейший представитель аверроизма, профессор Парижского университета Сигер Брабантский (1235-1282) провозглашал в рамках развития этого учения тезис единства материи в ее различных формах: “все

сущее образуется из материи и формы, причем одна и та же материя используется во вселенной от высших пределов духовного до низших границ физического”. Другой аверроист, также придерживавшийся теории двойственной истины, итальянский философ, ученый и политик Марсилиус Падуанский (1275-1342; автор сочинения “Защитник мира”, 1320-1324 гг.), избранный в 1312 г. ректором Парижского университета, резко выступал против церковных привилегий (“церковь не может иметь собственности, а священники должны работать наравне с мирянами и во всем подчиняться государству”) и претензий папства на светскую власть (“Христос не передавал такой власти своим апостолам”). Многие идеи Марсилиуса были позже взяты на вооружение идеологами Реформации, но аверроизм был запрещен католической церковью как ересь, а его сторонники преследовались инквизицией. Так, учение Брабантского было осуждено церковью в 1270 г., в 1277 г. запрещены все его труды (“О разумной душе”, “О вечности мира”, “О необходимости и взаимосвязи причин” и др.), а сам он, вызванный инквизицией в Рим, был загадочным образом убит во время следствия. Марсилиус Падуанский был в 1327 г. отлучен папой Иоанном XXII (1244-1334; папа с 1316 г.; осуждал идеологию христианской бедности, защищал тезис о божественном происхождении церковного права собственности, отстаивал теократическую доктрину папизма) от церкви, осужден на смерть как еретик, но избежал трагической участи благодаря покровительству германского императора, у которого служил лейб-медиком .

За разделение сфер теологии и философии выступал и английский философ-францисканец, представитель номинализма

(учения, утверждающего реальность только единичных вещей и их свойств, но отрицающего бытие вне мышления универсалий, или общего, так как они есть только имена, или номиналии - от лат. *nomina* имя, обозначающие классы вещей) в поздней схоластике 13-14 вв., теолог и политический деятель Уильям Оккам (1285-1349). Он считал, что догматы религии - это "сверхразумные" предписания, обращенные не к разуму, а к вере и воле человека, и что научное знание должно быть отделено от теологии, став автономным. Оккам полагал, что первичное познание основано на интуиции, и поэтому понятия, не сводимые к интуитивному знанию, а также не поддающиеся проверке в опыте, должны быть удалены из науки (он сформулировал знаменитый принцип логической экономии в научном объяснении, названный "бритвой Оккама": "сущности не следует умножать без необходимости", который сохранил свою актуальность в науке до настоящего времени). Учение Оккама - окказимизм, или терминизм (от лат. *terminus* предел, граница) получило распространение в европейском образовании 14-15 вв., но церковь осудила и сожгла сочинения Оккама (в 1324 г. папа Иоанн XXII отлучил Оккама от церкви за защиту францисканского понятия бедности и признания верховенства власти императора над папской властью, заключил его в монастырь, но узнику удалось оттуда бежать в Германию). В 1512 г. пятый Латеранский, или 18-й Вселенский, собор католической церкви, созванный папой Юлием II (1443-1513; папа с 1513 г.) для обсуждения церковных реформ, положил конец длительным, 3-вековым дискуссиям "о двух истинах", провозгласив принцип "истина истине не противоречит", т.е. истина природы должна соответствовать истине религии (тем не менее, Рим не всегда

придерживался постановлений этого собора и иногда давал разрешения на печатание книг с неортодоксальными философскими взглядами по вопросам религии).

Бруно, представ в 1592 г. перед венецианской инквизицией, пытался так же, как и его предшественники, защититься от религиозных обвинений ссылкой на двойственность истины, в силу которой философия и теология, наука и вера могут существовать рядом, не мешая одна другой. Он настаивал на том, что “все написанное им изложено с философской, а не религиозной точки зрения и потому он должен быть оцениваем как философ, а не как учитель церкви... что все, чему он учил, он учил как философ, не касаясь догматов, которые и сам он использует как добрый христианин” . Философы позднего Возрождения и Нового времени, продолжая борьбу с церковью за свободу мысли, заменили учение о двух истинах учением “о двух книгах” - Природы и Писания, полагая, что только в Книге Природы человек обретает истину науки и философии, а за Писанием остаются вопросы о боге, о “бессмертной” части человеческой души как предмете веры и религиозно-нравственные наставления . Сегодня мы понимаем, что наука, постигнув основные законы живой и неживой материи, готова проникнуть в тайны наиболее продвинутого творения природы - человека с его сознанием, разумом и душой. Наука способна преодолеть, как это она уже сделала с идеями геоцентризма и конечной Вселенной, те тысячулетние религиозные фантазии и заблуждения, которыми жила и продолжает жить большая часть современного человечества. Пустые и безумные верования людей, тешащие их самолюбие, невежество и страх, не могут быть спрятаны в Книге Писания от пробужденного, открытого

и всепроникающего человеческого разума, поддержанного стремлением к истине и познанию реального мира. Свободный, отважный и героический человеческий дух раньше или позже сбросит с себя религиозные оковы и откроет человеку новые горизонты его земной и космической жизни.

. Философы-пантеисты, включая Бруно, обращались к богу-природе, духу, мировой душе, или мировому разуму, не только по религиозным требованиям, но и в силу того, что не могли еще указать без ссылок на духовные сущности истинную причину движения материи и развития природы. Именно бог или всемирная душа, растворенные в природе, виделись им такими двигателями. Если Аристотель, перипатетики, “вульгарная философия” (Бруно говорил, что эта философия не признает за материей “ничего, кроме способности быть субстратом форм и воспринимающей возможностью естественных форм, без названия, без определения, без какого-либо предела, без какой-либо актуальности”), теология (томизм) и схоластика отрывали источник движения от материи (“все движущееся получает движение от другого” – бездумно утверждали они вслед за Аристотелем), видели его, в конечном счете, вне материи - в боге как главной причине и двигателе мира, то пантеисты стремились найти не внешний, а внутренний источник движения, связанный с самой материей. Такой источник им было трудно отыскать в природе, так как все свои, пока еще весьма ограниченные и неполноценные представления о материальном мире они основывали исключительно на понимании материи как телесной, протяженной, вещественной, данной человеку в ощущениях субстанции, порождающей каким-то скрытым образом

отдельные и бесконечно разнообразные телесные, зримые, материальные вещи (формы).

Для них еще было недоступно понимание материи не как вещества, а как поля - бестелесной, невидимой и часто неоощущаемой, но протяженной, материальной, обладающей силой и поддающейся тонким измерениям субстанции, связывающей воедино весь материальный мир и являющейся его материальной основой, включая все психические и духовные явления. Для философов-пантеистов идея одушевленности всего мира стала основой понимания самодвижения в природе, а душа мира, вставленная ими между богом и природой, стала рассматриваться в качестве истинно действующей причины движения не извне, а изнутри, т.е. в качестве внутренней способности самой материи образовывать различные вещи и формы бытия. Сегодня мы прекрасно понимаем, что в реальности причина движения материи заключена в самой материи, в единстве и противоположности ее взаимодействующих элементов и сил, приводящих к постоянным переходам одних форм и видов материи в другие, и что для объяснения этих естественных процессов совершенно не требуются как сверхъестественные сущности, стоящие вне и над материей, так и психические сущности, которые якобы изначально тождественны самой материи (на самом деле психические сущности - субъекты - являются всего лишь продуктом длительной эволюции, усложнения, взаимодействия и адаптации материальных форм, или материальных объектов).

Согласно Бруно, "Natura est Deus in rebus" - "Природа есть Бог в вещах" (эта мысль заимствована им у Авицеброна). Бога он определяет философски, подобно Аристотелю, как "первое начало и

первую причину”, задающую весь ход мирового развития: “он есть все то, что может быть”. Вселенная же для Бруно является, как и для Кузанского, “великим подобием, великим образом и однородной природой...она не что иное, как тень первой действительности и первой возможности ” . Бруно, как истинный, церковный дитя своего времени, серьезно полагал, что “все происходит от его воли или благодати; последняя является принципом его действия, от которого происходят все следствия ... вещи суть следствия божественной субстанции...божество - начало всех вещей и порядок всех частей вселенной...всеобщая физическая действующая причина движения - это всеобщий ум , который является первой и главной способностью души мира, какова есть его всеобщая форма... имеет отношение к производству природных вещей, подобно тому, как наш ум соответственно производит идеи в разуме... оплодотворяет материю всеми формами и, сообразно их смыслам и условиям, придает ей фигуру, формирует и слагает в таких удивительных порядках, которые не могут быть приписаны случаю или какому-либо другому началу, не умеющему различать и упорядочивать...всякое отличие и разнообразие происходит от формы...мир и его сферы известным образом одушевлены... мир одушевлен вместе с его членами...душа вселенной, поскольку она одушевляет и оформляет, является ее внутренней и формальной частью...нет никакой формы, которая бы не была произведена из души...сколь бы незначительной и малой ни была бы вещь она имеет в себе части духовной субстанции...дух находится во всех вещах...нет вещи, не обладающей душою...дух, душа, жизнь, ум, который во все проникает, во всем находится и приводит в движение всю материю... является формальным началом, каковое

не есть предмет с материальными качествами, но вполне господин материи...душа является формой всех вещей, во всем она главенствует над материей и господствует в составных вещах ” .

Поместив в природу душу мира (всеобщий ум, высшую, или всеобщую, форму) и плотно соединив ее духовные, психические качества с самой природой (у Аристотеля высшая форма исключает из себя все материальное, а в мировой душе Бруно материя и форма, наоборот, неразрывно связаны между собою), Бруно делает, по сути, ненужным понятие церковного бога для объяснения природы. Он делает излишним какие-либо обращения к богу, религии и церкви, которая строжайшим образом регламентирует не столько текущие отношения бога и природы (о таких отношениях поверхностно упоминают лишь архаичная мифология и космология, вошедшие в состав “священных” писаний), сколько отношения бога и человеческого сознания. Религии всегда было важно сделать бога первичным, а человека вторичным существом, хотя на самом деле все обстоит как раз наоборот: не человек есть “божья тварь”, а бог есть выдумка человека, а следовательно, - “человеческая тварь”. Вслед за своими смелыми предшественниками, Бруно встал на скользкий и опасный путь “двух истин” - истины природы и “истины” религии, борьба между которыми продолжается в мире и сознании людей даже в наше, якобы “просвещенное” время. Сегодняшние жрецы и защитники религии, понимая, что истины науки подрывают религиозную веру, вновь, но с иных позиций, уцепились за когда-то осужденную ими же теорию двух истин, и говорят о разных, непересекающихся и якобы не влияющих друг на друга сферах деятельности науки (сферы природы) и религии (сферы человеческого сознания, души). Но современным

естествоиспытателям и здравомыслящим людям совершенно ясно, что в мире нет альтернативы научной истине и научному знанию, так как религия может только обмануть и утешить слабые души, но, паразитируя на человеческих фантазиях и заблуждениях, по определению, не способна дать правильное, адекватное знание о мире и человеке. Реальный мир свободен от бога (мировой души, всеобщей формы), одни и те же его законы, или истины, охватывают Вселенную и человека (его тело и сознание), материю как вещество (вещи) и материю как поле (дух). В свете современных научных знаний религиозная “истина” есть величайшая фикция, иллюзия, самообман, от которого человечеству давно пора, но пока еще никак не удастся освободиться.

Бруно, детализируя и расширяя представления о душе природы, так пишет о душе человека и вещей : “Душа у человека в своем роде и в своем специфическом существе та же, что и у мухи, у морских устриц, у растений и любой одушевленной и имеющей душу вещи, так как нет тела, которое не имело бы в себе самом более или менее живой или совершенной связи с духом... всеобщий действующий разум един для всех и он движет и дает понимание; но кроме того у всех есть частный ум, который их движет, озаряет и делает понимающими; последний столь же умножился, как число индивидуумов...над всеми живыми существами есть деятельное чувство, именно то, которое заставляет всех чувствовать и при помощи которого все чувствуют актуально, и есть один деятельный ум, именно тот, который заставляет всех понимать и через который все разумеют актуально. А затем есть столько чувств и столько частных пассивных, или возможных, умов, сколько есть субъектов; и соответственно этому имеется столько видовых и количественных

ступеней строений ума, сколько имеется видовых количественных форм и строений тела ”.

Вместе с тем Бруно учит, как истинный материалист, о вечности, несотворимости, нерожденности, неуничтожимости, движении и взаимопревращениях материи : “материя является действительностью...состав вечной вещественной субстанции (каковая не может ни произойти из ничего, ни обратиться в ничто, но способна и к разряжению, и к сгущению, к изменениям формы, порядка, фигуры) разрушается, сложность колеблется, фигура переиначивается, судьба разнообразится; и только элементы всегда остаются теми же по существу и тем же самым, как был всегда, остается вещественный принцип, который есть истинная субстанция вещей - вечная, нерождаемая, негибнущая... нельзя вечно пребывать в одном и том же сложном целом... смерть есть не что иное, как распад частей, соединенных в одно целое; со смертью прекращается случайная дружба, согласие, сложность, соединение и порядок, но остается у каждого существа его неуничтожимое субстанциональное бытие ...вещественная материя, способная слагаться, разлагаться, перерабатываться, сжиматься, принимать форму, способная к движению и устойчивости под господством, властью и доблестью души, не может быть уничтожена или в какой-нибудь точке, в каком-нибудь атоме сведена на нет”. В он продолжает: “никакая вещь не уничтожается и не теряет бытия, но лишь случайную внешнюю и материальную форму...как материя, так и субстанциональная форма любой природной вещи, т.е. душа, неразрушимы и неуничтожимы в смысле потери бытия целиком и для всего...уничтожение есть не что иное, как возникновение, и возникновение есть не что иное, как уничтожение...материя,

которая остается всегда той же самой и плодоносной должна иметь главное преимущество быть познаваемой как субстанциональное начало в качестве того, что есть и вечно пребывает ”.

Движение материи Бруно рассматривает, вслед за античными натурфилософами и Кузанским (о его достижениях в диалектике Бруно говорит, что “немало доискался тот философ, который проник в смысл совпадения противоположностей”), в общем, философском плане через единство и борьбу противоположных сил материи. Он пишет : “если бы в телах материи и сущем не было изменения, разнообразия и чередования, то не было б ничего приятного, ничего хорошего, никакого наслаждения...Всякое наслаждение, как мы видим, состоит не в чем ином, как в известном переходе, пути и движении...Только перемена одной крайности на другую, благодаря своему соучастию и в той и в другой крайности, только движение от одной противоположности к другой, благодаря своим серединам, может удовлетворить...насколько велико родство между крайностями, мы можем видеть из того, что они скорее сходятся меж собой, нежели подобное с подобным себе...Начало, середина и конец - рождение, рост и совершенствование всего, что мы видим, идет от противоположностей, через противоположности, в противоположностях, к противоположностям: там, где есть противоположности, есть действие и противодействие, есть движение, есть разнообразие, есть множество, есть порядок, есть степени, есть последовательность, есть череда”. Бруно проницательно отмечает, что “кто хочет познать наибольшие тайны природы, пусть рассматривает и наблюдает минимумы и максимумы противоречий и противоположностей. Глубокая магия заключается в умении вывести противоположность, предварительно

найдя точку объединения” . Как и Кузанский, Бруно полагает, что противоположности свернуты, совпадают в божестве, но развернуты и не совпадают в реальном мире, в природе: “противоположности совпадают в принципах и в ближайших объектах...то, что в других местах является противоречивым и противоположным, в нем является одним и тем же, и всякая вещь в нем является одной и той же ...всякая возможность и действительность, которая в начале свернута, объединена и едина, в других вещах развернута, рассеяна и умножена...одна противоположность не может допустить или принять другую...третья вещь есть носитель одной и другой противоположности и не противоположна ни одной из них” .

Анализируя позицию античных материалистов-атомистов, Бруно делает свои собственные выводы : “Демокрит и эпикурейцы, которые все нетелесное принимают за ничто, считают в соответствии с этим, что одна только материя является субстанцией вещей, а также божественной природой, как говорит некий араб по прозвищу Авицеброн, что он показывает в книге под названием “Источник жизни”. Эти же самые , вместе с киренаиками, киниками и стоиками, считают, что формы являются не чем иным, как известными случайными расположениями материи . И я долгое время примыкал к этому мнению единственно потому, что они имеют основания, более соответствующие природе, чем доводы Аристотеля. Но, поразмыслив более серьезно, рассмотрев больше вещей, мы находим, что необходимо признать в природе два рода субстанции: первый - это форма, и другой - это материя; ибо обязательно должна быть субстанциональнейшая действительность, в которой заключается активная потенция всего , а также наивысшая потенция и субстрат, в которой содержится пассивная

потенция всего : в первой имеется возможность делать, во второй - возможность быть сделанным...всякое отличие и разнообразие происходит от формы... сама по себе и по своей природе не имеет никакой природной формы , но может получать любую из них при помощи действия активного, действующего начала природы... материя может быть приведена к частности лишь при помощи какой-либо формы...ничто не действует абсолютно в себе самом... всегда есть какое-нибудь различие между тем, что является деятелем, и тем, что сделано или к чему относится деятельность и действие. Отсюда в самом теле природы следует отличать материю от души". В приведенных рассуждениях эволюционирующая философия Бруно еще совпадает с философией Аристотеля, которая ошибочно отделяет причину, т.е. формы, или законы материи, от самой материи.

Рассматривая в качестве активной причины движения вещественной, телесной, материальной субстанции невещественную, нетелесную, духовную субстанцию (душу, ум, форму), Бруно пытается определить и понять взаимоотношения между ними : "духовную субстанцию, хотя бы она и была в родстве с телами, нельзя понимать так, будто она в собственном смысле входит в состав тел или смешивается с ними, ибо это подобает телу с телом или частице материи одного состава с частицей материи иного состава. Духовная же субстанция есть некий принцип, некое начало, действующее и образующее изнутри, от которого, которым и вокруг которого идет созидание...Во власти этого принципа объединять противоположные элементы, уравнивать в известной гармонии несогласные свойства, созидать и поддерживать состав живого существа". В другом месте он

продолжает : “материя телесных вещей отлична от материи вещей бестелесных ...все различие между ними зависит от сведения к телесному бытию и бестелесному бытию. Эта материя, будучи актуально всем тем, что может быть, обладает всеми мерами, обладает всеми видами фигур и размеров...одна материя отличается от другой единственно лишь по бытию, свободному от протяженности, и бытию, сведенному к протяженности...материя в бестелесных вещах совпадает с действительностью... материя едина, едина возможность, благодаря которой все, что существует, существует актуально, и с не меньшим основанием это относится к бестелесным субстанциям, чем к телесным...какова бы ни была разница в специфических особенностях благодаря которым одна нисходит к телесному бытию, а другая нет, одна получает чувственные качества, а другая нет, и как бы ни представлялось невозможным найти общее основание материи чуждой количеству и пространственным качествам природы и той, которой не чужды ни то, ни другое, тем не менее, как первая, так и вторая являются одной и той же материей ... имеется двойная субстанция: одна духовная, другая телесная, но в последнем счете и та и другая сводятся к одному бытию и одному корню”. Замечательные, глубокие мысли о бытии двух взаимосвязанных форм материи – телесной (вещества) и бестелесной (поля) и их совместной полноте, способной порождать все меры и всё разнообразие мира.

Бруно, в отличие от Аристотеля, других перипатетиков и средневековых схоластов, разделявших, разъединявших пассивную материю и активную форму, постепенно пришел к пониманию материи активной, действующей, развивающейся, содержащей форму в самой себе, т.е. сформировал учение о единстве формы и

материи, образующей объективную реальность : “Как принцип не может существовать без тела, так и тело, движимое и управляемое им, с ним единое, с его отсутствием распадающееся, не может быть без него”. В эта мысль Бруно выражается еще более отчетливо: “И как может материя получить форму? Быть может, сама собою? Ясно, что мы можем утверждать, что материя получает фигуру сама собою, если мы склонны все оформленное всеобщее тело считать материей...я называю ее лишенной форм и существующей без них, как беременную без ее ребенка, которого она порождает и производит из себя...природа же делает все из материи путем выделения, рождения, истечения...следует скорее говорить, что она содержит формы и включает их в себе, чем полагать, что она их лишена и исключает... мы видим, что все природные формы происходят из материи и снова в материю возвращаются...формы не имеют бытия без материи, в которой они порождаются и разрушаются... находятся в лоне материи... производит формы из своего лона, а следовательно, имеет их в себе... является источником действительности... материя не является каким-то почти ничем, т.е. чистой возможностью, голой, без действительности, без силы и совершенства... заключается в непрерывной способности материи, каковая есть возможность, не отличимая от действительности...материя отбрасывает форму, чтобы принять другую... не получает размеров извне, но выводит их и производит из собственного лона”, а в другом месте он подводит итог: “Бесконечность форм, под которыми является материя, она принимает не от чего-либо другого и, так сказать, только внешним образом, но она производит их из самой себя и рождает их из своего лона...И потому материя не без форм, а скорее она содержит их все;

и когда она раскрывает то, что она носит скрыто в себе, она поистине вся природа и мать всех живущих”. Прекрасная мысль, связывающая формы с самой материей (а не с внешней, сверхъестественной и нематериальной силой - богом, мировой душой или умом), а законы природы - с самой природой!!!

Бруно, пытаясь в своем изощренном пантеизме объединить противоположности (минимум и максимум, единое и многое), материю и форму (телесное и духовное), предлагает в качестве единого начала бытия, или субстанции всех вещей, рассматривать не четыре первоначальных элемента (землю, воду, воздух и огонь), как Эмпедокл, не бесконечные гомеомерии (сходные частицы, несущие в себе семена, зародыши всех вещей), как Анаксагор, не бесчисленные и бескачественные механические атомы, как античные материалисты-атомисты, не неопределенную и бесформенную материю, как Аристотель, а некоторые бесконечно малые по своим размерам (minimum), невидимые частицы - монады (от греч. monas единица, единое), которые, объединяя в себе материальные и психические качества (в одно и то же время монада есть “и материя, и дух”, “атематическая точка, физический атом и психическая сущность, обладающая восприятием, ощущением и стремлением, волей”), представляют собой неисчислимы микрокосмы, из которых естественным путем воссоздаются все наблюдаемые макрокосмы. У Бруно монада, сама не изменяясь, строит максимум (диадду, триадду и т.д.), подверженный изменениям и вечным преобразованиям, т. е. все происходит их минимума, а наибольшие величины сводятся к наименьшим.

Начало учению о монадах положено Бруно в сочинениях “О тройке минимуме и о мере”, “О монаде, числе и фигуре”, хотя

начальные идеи в этом отношении он, бесспорно, заимствовал у Николая Кузанского. У Бруно, монада - абсолютное единство, в котором совпадают противоположности и исчезают различия: множественность восстанавливается в единстве, а различия превращаются в абсолютное тождество (этот процесс создания скрытого, невидимого, ноуменального - от греч. *νοῦμενον* умопостигаемый - мира Бруно называет *progresso*, а противоположный ему процесс превращения единства во множество, т.е. создание реального, видимого, феноменального - от греч. *φαινόμενον* являющийся, доступный чувствам - мира - *regresso*). Согласно Бруно, Бог есть монада монад (максимум минимума, субстанция субстанций, абсолютное единство, в котором "все противоположное - одно и то же"), а мир - сочетание монад или минимумов как центров космической субстанции, объединяющих материю и дух. Сегодня мы прекрасно понимаем, что фантазия Бруно в этом отношении далеко улетела от реальности, так как качества духа, сознания, мысли возникают в материи не на уровне ее отдельных элементов - кварков, элементарных частиц, атомов и т.п. (на этом уровне появляются только процессы первичного, неорганизованного, поэлементного взаимодействия и отражения движения простейших форм материи), а на уровне ее сложной эволюционной организации и многостороннего, многоуровневого вещественно-полевого взаимодействия. Бруно распространяет сферу сознания необоснованно далеко за ее действительные пределы. "Монадологические" идеи Бруно послужили толчком для ряда последующих философов-идеалистов в их творческой, но во многом пустой игре ума, в попытках представить движения и изменения реального материального мира через субъективно более

доступные и понятные человеку явления жизни и психики (представить, по сути, первичное через вторичное, основу - через производное, объективное - через субъективное, материю - через сознание).

Бруно и философы нового времени

Философские идеи Бруно оказали заметное влияние на философов нового времени и их труды. Трагическую судьбу Бруно повторил его более молодой единомышленник и последователь, другой итальянский философ-пантеист Джулио Чезаре Ваннини (1585- 9 февраля 1619; псевдоним Лючилио; образование по теологии и философии получил в Риме и Падуе, преподавал в Женеве, Лионе, Париже и Тулузе; сочинения: "Амфитеатр вечного провидения", 1615; "Об удивительных тайнах царицы и богини смертных природы", 1616), осужденный инквизицией, как и Бруно, по доносу (доносчик сообщал, что Ваннини отрицал существование бога и изрекал хулу против Христа) за ересь и атеизм и сожженный на костре на площади Самен в католической Тулузе после того, как у него палач предварительно вырвал щипцами язык. Ваннини, как и Бруно, заявлял о бесконечности и вечности Вселенной, о многочисленности миров, населенных живыми существами, высмеивал и громил невежество основной массы церковнослужителей, порицал церковь, отрицал бессмертие души. Суд ставил в вину философу его антирелигиозные софизмы, в которых утверждалось, что "Бог есть существо, не имеющее ни начала, ни конца и тем не менее являющееся своим собственным началом и концом; он существует бесчисленное множество веков, и однако время его не касается и он недоступен ни прошлому, ни будущему; он наполняет пространство, не находясь в каком-либо

месте; он неподвижен без положения, он все проходит без движения; он благ без качества, велик без количества, универсален, не имея частей, движет все, не двигаясь сам, при чем его воля образует его могущество, а его могущество связано с его волей; он находится над всем, вне всего, внутри всего, по ту сторону всего, перед всем и после всего". В религии Ванини видел ни что иное, как политический заговор светских правителей и духовенства против народа. "Сам Сократ - говорил он - учил, что в делах, касающихся веры, дозволено лгать, а Сцевола, как сообщает св. Августин, имел обыкновение говорить, что государствам полезно быть обманываемым в делах религии. Отсюда поговорка: мир хочет быть обманутым! Да будет так на благо ему!". Рассказывают, что когда Ванини услышал от судей, что он должен покаяться перед богом, королем и судом, он заявил: "что касается бога, то я ни в какого бога не верю; что касается короля, то я его не оскорблял; что касается суда, то пусть он идет ко всем чертям, если вообще черти существуют". Когда Ванини уже ожидал наступления казни и приставленный к нему монах францисканец убеждал его снова обратиться к учению святой церкви, он резко ответил ему. "Христос потел от страха и слабости, готовясь к смерти, я же умру бесстрашно". Отважный философ умер с неслыханным мужеством. "Не существует ни бога, ни черта! - воскликнул Ванини перед тысячной толпой народа, когда по программе мрачной церемонии он должен был заявить о своем раскаянии и отречении - Но если бы бог существовал, я молил бы его о том, чтобы он метнул свою молнию в этот несправедливый и мерзкий парламент. А если бы существовал дьявол, я молился бы ему, чтобы ад проглотил это судилище. Но я этого не делаю, потому что ни бога, ни черта нет" .

Прямое или косвенное воздействие взглядов Бруно испытали на себе такие крупные мыслители, как нидерландский философ еврейского происхождения, представитель рационализма Бенедикт Спиноза (1632-1677; дед и отец мыслителя бежали из Португалии от преследований инквизиции, а в 1656 г. Бенедикт был изгнан из еврейской общины за вольнодумство; он создал свою философскую систему в развитие и в противовес метафизической системе французского мыслителя Рене Декарта, 1596-1650, обнаружив в последней 3 проблемных момента, связанных с трансцендентностью Бога, дуализмом тела и души, признанием свободы воли как за богом, так и за человеком; эти проблемы не позволяют, согласно Спинозе, объяснить отношения между богом и миром, душой и телом, а также череду происходящих в мире событий, и потому делают для человека мир непостижимым; Спиноза наиболее полно сформулировал философскую систему пантеизма, идя дальше Бруно и утверждая идею тождества бога и природы: "Deus sive natura" - "Бог, или природа", рассматривая их как единую, вечную и бесконечную субстанцию-материю, которая обладает атрибутами мышления, протяженности и является причиной самой себя; для него не существовало бога, отделенного от вещества, сил и законов природы: бог и природа были для него попросту двумя разными названиями одной и той же реальности; главное сочинение Спинозы - "Этика", 1677 г.); немецкий философ, математик, физик и языковед Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646-1716; один из создателей дифференциального, интегрального исчисления и современной математической логики; основал в 1700 г. Бранденбургское научное общество, превратившееся позже в Берлинскую академию наук, и стал его первым президентом; в

своей метафизике - "Монадология", 1714 г. - развил учение о бестелесных, духовных, "простых субстанциях", "истинных атомах природы", "элементах вещей" - монадах - основных элементах бытия, обладающих психическими свойствами, воспринимающими и отражающими другие монады и весь мир, состоящий из бесчисленного количества монад, находящихся между собой в отношении предустановленной богом гармонии; монадам приписывались отрицательные свойства неделимости, неуничтожимости, нематериальности, неповторимости и положительные свойства самодостаточности, саморазвития и психической активности, состоящей в восприятии и стремлении; по Лейбницу, мир создан богом как "наилучший из всех возможных миров"); немецкий философ Фридрих Вильгельм Шеллинг (1775-1854; развил принципы объективно-идеалистической диалектики природы как живого организма, бессознательно-духовного творческого начала, восходящей системы ступеней-потенций, характеризующейся динамичным единством противоположностей; у Шеллинга "Абсолют" - недифференцированное тождество природы и духа, но через его самораздвоение и саморазвитие происходит его же самопознание); немецкий философ-материалист и атеист Людвиг Фейербах (1804-1872; сын известного юриста, учился на теологическом факультете Гейдельбергского университета, слушал в Берлине лекции Г.В.Ф. Гегеля, но отказался от гегелевского идеализма в пользу материализма; религию истолковывал как самоотчуждение человека и проекцию его желаний на внешний мир, включая идею Бога как внешнюю проекцию внутренней природы человека; многие

взгляды Фейербаха были позже поддержаны К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. Лениным) и другие.

Так, например, Шеллинг посвятил обсуждению философских идей Бруно отдельный труд, названный им “Бруно, или О божественном и природном начале вещей. Беседа” (1802 г.), в котором, в частности, отмечал: “последующее изложение ближе всего к особому характеру учения об универсуме, как оно изложено у Джордано Бруно в работе “О причине, начале и едином”...его слова, приведенные нами (из упомянутых извлечений), в самом деле можно считать символом истинной философии”. Фейербах в своей “Истории новой философии” (1838 г.) писал, что “новая философия начинается там, где вообще науки достигли обновления, т.е. в Италии. Подобно тому, как греческая философия начинается с природы, так и философия нового времени начинается с натурфилософии Телезио”, а до этого в своей работе “Изложение, развитие и критика философии Лейбница” (1836 г.) разъяснял: “Новая философия в отличие от схоластическо-аристотелевской философии...по происхождению итальянка. Живому итальянцу впервые стало тесно и не по себе в мрачном монастырском здании схоластики...Но Италия была только местом рождения, а не местом жительства философии. Судьба итальянских философов была судьбой и самой философии. Бруно бежал во Францию, в Англию и Германию. Кампанелла после долгих лет тюремного заключения в своем отечестве нашел убежище во Франции. Итальянец мог породить философию, но дать ей воспитание, развитие и образование было уделом других народов. Ближайшим по времени народом, усвоившим новую антисхоластическую философию, был английский народ”. В сочинении “Две работы о Декарте” (1836 г.)

он продолжал: “ Новая философия начинается не Бэконом и не Декартом – она начинается в Италии. Итальянские философы... вернулись назад к древнему источнику, искали философию только “в себе” или “в великой книге мира”. Поистине возвышенный принцип “соединения противоположностей”, с таким воодушевлением высказанный Бруно, есть принцип нового времени и новой философии . Это принцип самой жизни, и именно этим отличается новая философия от застойного схоластицизма средних веков, имевшего своим мерилom и принципом сухой закон формального тождества”. В своей работе “Пьер Бейль. К истории философии и человечества” (1838 г.) Фейербах подчеркивал, что “Джордано Бруно и Спиноза были единственными, имевшими понятие о внутренней жизни природы и сохранившими эту идею в чистоте”.

Об отношении Лейбница к Бруно Фейербах сообщал, что “на своеобразие его философской мысли при его чуткости не могло не повлиять знакомство, в частности, с Бруно, о котором он, однако, высказывает странное суждение, что это был одухотворенный, но не глубокий мыслитель, и с Кампанеллой, которого он особенно высоко оценивал. Во всяком случае нельзя не признать родства его идей с идеями этих мыслителей ...можно привести еще много мест из сочинений Бруно, совпадающих с мыслями Лейбница ”, и в качестве такого места приводит пример совпадения идеи Бруно с аналогичными идеями Лейбница и английского философа-материалиста, родоначальника опытной науки Фрэнсиса Бэкона (1561-1626; Бэкон отказался от верований в зависимость природных явлений от сверхъестественных сил и существей): “С точки зрения Лейбница, не может быть слишком плохой или ничтожной вещи;

для него нет ничего пустого и лишённого мысли. Он не знает пустоты. Все, что достойно существования, достойно и сознания, говорит Бэкон. Также Джордано Бруно говорит: нет вещи столь малой и ничтожной, чтобы в ней не жил дух. Эти положения выражают сущность мысли Лейбница [Фейербах подчеркивал: “для него все – только символ; истинное значение, смысл вещей находится, с его точки зрения, только в самом духе”]”.

Бэкон также был знаком с сочинениями Бруно (шесть своих важнейших произведений Бруно напечатал в Англии в 1584-1585 гг., т.е. тогда, когда Бэкон еще даже не приступал к своим философским трудам), и хотя в целом не принял его философию и космологию (впрочем, как и систему мира Коперника), использовал, причем без ссылок, в своих работах отдельные философские аргументы Бруно. Так, например, в своем сочинении “О достоинстве и приумножении наук” (1605 г.) Бэкон писал о соотношении знаний старой, древней и новой, современной философии: “И конечно, именно наше время является древним, ибо мир уже состарился, а не то, которое отсчитывается в обратном порядке, начиная от нашего времени”. Эта же мысль составляет содержание одного из афоризмов другого его труда “Новый Органон” (1620 г.): “Что же касается древности, то мнение, которого люди о ней придерживаются, вовсе не обдуманно и едва ли согласуется с самим словом. Ибо древностью следует почитать престарелость и великий возраст мира, а это должно отнести к нашим временам, а не к более молодому возрасту мира, который был у древних. Этот возраст по отношению к нам древен и более велик, а по отношению к самому миру нов и менее велик...от нашего времени ...следует ожидать

большого, чем от былых времен, ибо это есть старшее время мира, собравшее в себе бесконечное количество опытов и наблюдений”.

А что же говорил по этому поводу раньше, в 1584 г., в своем сочинении “Пир на пепле” Бруно? Философы Возрождения, включая Бруно, выступая против средневековой, схоластической, насквозь пропитанной религиозными догмами науки, обращались к природе и идеям античных натурфилософов, полагая, что “знание находится у древних”. Бруно также придерживался этого взгляда (см. выше его высказывание о Копернике), но, вместе с тем, он возражал тем, кто пытался истину видеть в прошлом, в древности лишь на том основании, что, древность якобы старше современности. Таким людям он отвечал: “из вашего изречения вытекает совсем противоположное тому, что вы думаете: я хочу сказать, что мы старше и имеем более зрелый возраст, чем наши предшественники. Я имею в виду некоторые суждения, как, например, рассматриваемые нами. У Евдокса, жившего вскоре после рождения астрономии, не могло быть столь зрелого суждения, как у жившего через тридцать лет после смерти Александра Великого Калиппа, который с каждым годом мог прибавлять наблюдение к наблюдению. Гиппарх на том же основании должен был знать об этом больше, чем Калипп, потому что видел перемены, происшедшие через сто девяносто семь лет после смерти Александра”. И далее популярно объяснял: “Прежде чем эта философия стала приноровленной к вашему мозгу, иная философия халдеев, египтян, магов, орфиков, пифагорейцев и прочих древних соответствовала нашему пониманию... Так что отложим в сторону рассуждения о древности и новизне, имея в виду, что нет ничего нового, что не может стать старым, и нет

ничего старого, что не было новым...Аристотель отмечает, что как существует изменимость всех вещей, так и в такой же мере изменимость мнений и разных следствий; поэтому уважать философские учения по их древности это все равно что решать, что было раньше: день или ночь” . Разве не удивительно это совпадение идей Бэкона и Бруно, разделенное отрезком времени в 20-35 лет.

Ода человеческой ослиности

Бруно всегда остро и нетерпимо относился к человеческой глупости и невежеству, неспособности или нежеланию человека самостоятельно думать и отвечать за свои слова. Особенно он любил изобличать и бичевать эти пороки тогда, когда они прикрывались церковными и философскими авторитетами, священным писанием и религиозными догмами, рядились в одежды схоластической университетской или академической “науки” и теологии.

Бруно, признавая за религией лишь относительное значение как воспитательницы темных людских масс, напал своим словом на католическую и протестантскую церковь (он называл ее “торжествующим зверем, нечестивой Цирцеей, матерью и дочерью мрака и заблуждения”), боролся с ее догмами, властью и исключительностью, запрещавшей всякую критику. Он считал начало авторитета (прежде всего церковного и философского) глупостью, и при каждом удобном случае издевался над “смотрящими чужими глазами”, над “ссылающимися на бедного Аристотеля, но не понимающего даже его”. Он говорил, что для достижения истины, надо подвергнуть авторитет сомнению, ибо последний разлагается на доказанный и недоказанный. Бруно подчеркивал: “Наислабейшим доказательством является ссылка на

человеческий авторитет... Авторитет есть познание при чужом свете". Главной обличительной метафорой для Бруно было сравнение невежества и глупости человека с ослиностью. Он неоднократно напоминал, что "вавилонские жрецы посредством ослиной головы, приставленной к человеческому туловищу и шее, не раз обозначали невежественного и не поддающегося обучению человека", что "осел...учеными египтянами в их иероглифах признавался образцом невежества", и описывал первоначальное, первобытное, животное существование всего человечества как ослиное: "Всякий хвалит золотой век, когда люди были ослами, не умели обрабатывать землю, не знали господства одних над другими, когда один не понимал больше, чем другой, когда они ютились в подземельях и пещерах, отдавались со спины подобно зверям, не знали одежд, ревности, вожделений и обжорства; тогда все блага были общими, люди питались яблоками, каштанами, желудями в том виде, в каком они производились матерью-природой" .

Рассматривая "божественную мудрость" и религиозную веру в сравнении с человеческой философией и разумом, Бруно саркастически писал: "не существует лучшего зеркала перед человеческими очами, чем ослиность и осел, наглядно, всесторонне и ясно показывающие, каким должен быть тот, кто, трудясь в божьем винограднике, должен ожидать вознаграждения за свой труд дневной, вкушения блаженной вечери и отдыха, заслуженных им в этой преходящей жизни. Нет лучшего или равного средства, которое сопровождало бы, вело и приводило к вечному спасению более удобно, чем истинная, одобренная божественным словом мудрость; и наоборот, нет средства, которое более действительно извергало бы нас в глубь адской пучины, чем философические и

рациональные созерцания, рождающиеся из ощущений, растущие со способностью к рассуждению и созревающие в уме человека... бог избрал слабое, чтобы сокрушить силы мира, вознес к вершине уважения глупое, так как то, что не могло быть оправдано знанием, защищается святой глупостью и невежеством и этим осуждается мудрость мудрых и отвергается разумение разумных...погрузитесь в нищету духа, принизьте мысль, откажитесь от разума, погасите жгучий свет ума, который воспаляет, сжигает и испепеляет вас; бегите от тех степеней знания, которые только увеличивают ваши горести; отрекитесь от всякого смысла, станьте пленниками святой веры...Молите же, молитесь господа, дорогие мои, чтобы он помог вам сделаться ослими, если вы еще не ослы...Разве мало почтеннейших и знаменитейших университетов, где читают лекции о том, как надо наослиться, чтобы получить блага не только в здешней временной жизни, но и на том свете...ослиность сподобилась стать необходимой и божественной добродетелью, без которой погиб бы мир и благодаря которой весь мир спасен ...безумие, невежество и ослиность этого мира суть мудрость, знание и божественность в другом мире” .

О великих обманщиках (Моисее, Христе, Мухаммеде), затормозивших пути развития человеческой цивилизации и подчинивших слабый разум людей слепой и безумной религиозной вере, Бруно говорил с издевкой : “Глупцы мира были творцами религий, обрядов, закона, веры, правил жизни; величайшие ослы мира по милости неба реформируют безрассудную и испорченную веру, лечат язвы прогнившей религии...Они не относятся к числу тех, кто с безбожным любопытством исследует или когда-либо будет исследовать тайны природы и подсчитывать смены звезд. Смотрите,

разве их беспокоят или когда-нибудь побеспокоят скрытые причины вещей? Разве они пощадят любые государства от распада, народы - от рассеяния. Что им пожары, кровь, развалины и истребление? Пусть из-за них погибнет весь мир, лишь бы спасена была бедная душа, лишь бы воздвигнуто было здание на небесах, лишь бы умножилось сокровище в том блаженном отечестве. Они не заботятся о чести, удобствах и славе этой брэнной и неверной жизни ради иной, самой верной и вечной ". С не меньшей язвительностью Бруно говорил о помощниках пророков, в частности об апостолах Христа: "По словам священного писания, чтобы вызвать больше милости и приобрести у людей больше доверия, снисходительности и авторитета, апостолы вели себя так, что их считали за пьяных. В другом месте мы читаем, что они не знали, что говорили, потому что не они это говорили. Один из самых выдающихся апостолов, чтобы показать, насколько он простоват, сказал, что он был вознесен до третьего неба, слышал там неизреченные слова и не знал, был ли он жив или мертв, в своем ли теле или вне его. Другой апостол сказал, что видел небеса отверстыми, и говорил многие другие словеса, свойственные избранникам божьим, которым открывается то, что скрыто от человеческого разума и что есть совершенная ослиность с точки зрения разумного понимания . Оттого эти безумства, ослиности и дурачества суть мудрость, героические деяния и благоразумие перед нашим господом, который называет своими птенцами, своим стадом, своими овцами, своими младенцами, своими глупышками, своим осленком, своей ослицей всех тех, кто верит в него, любит его и следует за ним" .

Бруно обнажает абсурд религии, которая выдает белое за черное, а черное – за белое, объявляет жизнь смертью, а смерть – жизнью, называет веру истиной, а знание – глупостью: “С каким восхищением глубокий и созерцательный Дионисий Ареопагит в послании к Кайю утверждает, что незнание есть совершеннейшее знание, желая выразиться в том смысле, что ослиность есть божественность. Ученый Августин, сильно опьяненный этим божественным нектаром, в “Речах к самому себе” свидетельствует, что незнание скорее, чем знание, ведет его к богу и наука в большей степени, чем незнание, влечет его к гибели...Вспомните, о верующие, что наши прародители были угодны богу, были у него в милости, под его защитой, довольные в земном раю, в то время когда они были ослами, то есть простыми и не ведающими ни добра, ни зла; когда их еще не щекотало желание познать добро и зло и, следовательно, они не могли иметь никакого о них понятия, когда они могли верить даже лжи, сказанной змием...В таком состоянии они были в милости у бога, были любимы, свободны от всякого горя, забот и тягот” .

Мысли Бруно о религиозном безумии и глупости христианской веры пересекаются во многом с аналогичными представлениями крупнейшего ученого и гуманиста 16-го века, врага религиозного фанатизма, нидерландского писателя и богослова Эразма Роттердамский (1469-1536). Возможно, именно себя тот имел в виду, когда писал, что “и между самими богословами есть люди, знакомые с подлинной наукой, которых тошнит от вздорных теологических хитросплетений”. В своем знаменитом сочинении “Похвала глупости” (1509 г.) Эразм, анализируя “священные” тексты, показал, что приверженность к неразумию, безумию и

глупости демонстрируют в Библии не только рядовые верующие, но сам Бог (устаами своего пророка Исаяи господь грозил людям: “Погиблю мудрость мудрецов и разум разумных отвергну”, а другой его пророк Иеремия подтверждал: “Безумствует всякий человек в своем знании...да не хвалится мудрый мудростью своею”, т.е. Богу и пророкам человеческая мудрость изначально была помехой в насаждении религиозной веры, и поэтому они решили оставить в удел людям одну лишь глупость; Эразм отмечал, что “согласно определению стоиков, быть мудрым – это не что иное, как следовать велениям разума, а глупым – внушению чувств...тем и отличен от дурня мудрец, что руководствуется разумом, а не чувствами...в человеческом обществе все полно глупости, все делается дураками и среди дураков...большинство людей глупы, и всякий дурачится на свой лад...сила всякого вздора в народе”), его “сын” Христос - “спаситель человечества” (обращаясь к “небесному отцу”, Христос прямо заявлял: “Ты знаешь безумие мое”, а своим ученикам, как отмечал Эразм, “усердно проповедовал неразумие и предостерегал против мудрости...не велел своим ученикам обдумывать речи, которые они будут держать перед властями и правителями, не позволял испытывать времена и сроки, очевидно для того, чтобы они ни в чем не полагались на собственное суждение, но единственно на него одного уповали всею душою”) и апостолы - основатели христианской церкви (например, апостол Павел говорил своим слушателям: “примите меня, хотя как неразумного...что скажу, то скажу не в господе, а как бы в неразумии...мы безумны Христа ради...если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым...немудрое божие премудрее человеков...мудрость мира сего есть безумие пред Богом...Бог

избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых...не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее...научитесь от нас не мудрствовать сверх того, что написано”; сам Эразм прямо называл апостолов “невежественными глупцами”, ставил вопрос: “кто такие были основатели христианства?” и тут же отвечал на него: “Люди удивительно простодушные, жесткие враги всякой учености...среди глупцов всякого рода наиболее безумными кажутся те, кого воодушевляет христианское благочестие...они во всем действуют наперекор здравому смыслу, словно душа их обитает не в теле, но где-то в ином месте. Что же это такое, если не помешательство? Удивляться ли после того, что апостолов принимали порою за пьяных...”). В заключение Эразм делает свой неутешительный вывод: “отнюдь не случайно дураки столь угодны Богу...глупость до такой степени угодна всевышнему, что ради нее одной отпускаются все прегрешения...не зарываясь в бесчисленные подробности, скажу кратко, что христианская вера, по-видимому, сродни некоему виду глупости и с мудростью совершенно несовместима”.

Человеческому невежеству, религиозной вере и ослиности верующих Бруно противопоставляет истину реального мира - “существует один род истины, который есть причина вещей и находится над всеми вещами, и другой род, который находится в вещах и свойственен вещам, и третий, последний, который идет после вещей и от вещей. Первая истина называется причиной, вторая - вещью, третья - познанием ...раз действительная и природная истина исследуется посредством истины понятийной, а вторая имеет первую объектом, первая же при посредстве своего образа имеет вторую в качестве субъекта, то необходимо, чтобы к местопребыванию второй истины была близка первая и соединена с

ней ” - и науку, которая только и способна открыть эту истину: “ Ничего нет ближе и родственнее истине, чем наука...Пусть человеческий ум имеет некоторый доступ к истине; но если этот доступ осуществляется не на основе науки и познания, то совершенно неизбежно - посредством невежества и ослиности... если мудрость познает истину через невежество, то, следовательно, через глупость и, следовательно, через ослиность. Отсюда и вытекает, что если кто обладает таким познанием, тот подобен ослу и причастен идее ослиности” . Науку Бруно рассматривает не только в качестве единственно правильного пути к истине, но и как средство развития человеческого духа: “наука есть наилучший путь для того, чтобы сделать человеческий дух героическим” . Действительно, никакая другая деятельность так не развивает сознание и разум человека, не делает его таким острым, смелым и дерзким, как ежедневная умственная работа по добыванию новых знаний о мире и преобразованию последнего на основе этих знаний в интересах человеческого сообщества и его светлого будущего.

Бруно классифицирует возможные пути познания истины: “Одни достигают созерцания истины посредством обучения и рационального познания, силою действенного ума, который входит в дух, возбуждая там внутренний свет. Но такие редки...Другие обращаются туда и пытаются дойти путем невежества. Из них некоторые охвачены тем, что называется невежеством простого отрицания: они не знают и не намереваются знать; некоторые же охвачены тем, что зовется невежеством порочной склонности: эти, чем меньше знают, будучи пропитаны ложными сведениями, тем больше думают, что они знают...Третьи идут путем, который прославлен как божественное достижение. И среди них есть такие,

которые, не говоря о знании и не думая о нем и кроме того пользуясь доверием других, самых невежественных, поистине учены, дойдя до указанной выше прославленной ослиности и безумия... Некоторые же идут, или, лучше сказать, дают себя вести, при свете фонаря веры, отдавая ум в плен тому, кто садится на них и, занимая это прекрасное место, направляет и ведет их. Они-то поистине те, кто не может сбиться с пути, потому что идут, пользуясь не собственным обманчивым разумением, но непогрешимым светом наивысшего ума...так-то, значит, различаются виды невежества и ослиности и так постепенно происходит, что ослиность сподобилась стать необходимой и божественной добродетелью, без которой погиб бы мир и благодаря которой весь мир спасен” .

Бруно щедро присваивает звание ослиности как религиозным, так и философским авторитетам, которые отрицают способность человеческого разума познать истину реального мира: “святые христианские доктора и раввины... изгнали всякое собственное внимание и изучение, осудили всякую человеческую мысль, отреклись от всякого естественного чувства и, в конце концов, уподобились ослам. И те, которые не были ими раньше, преобразились в этих животных, подняли, расширили, наострили, удлиннили и украсили уши и все силы души направили и объединили для того, чтобы только слушать, внимать и верить, как тот, о ком сказано: "По одному слуху обо мне повинуются мне"...невозможно лучшее созерцание, чем то, которое отрицает всякую науку, всякое понимание и суждение об истине...высшее познание есть определенное убеждение, что ничего нельзя знать и ничего неизвестно и, следовательно, можно познать о себе лишь то, что

нельзя быть чем-либо иным, кроме осла. К этому выводу пришли сократики, платоники, воздерживающиеся от суждения скептики, пирронисты и тому подобные люди, у которых уши не столь малы, губы не так тонки и хвосты не так коротки, чтобы они сами не видели их у себя... Так что там, где воздерживающиеся поняли, что другие, думавшие, что они понимали, - не понимали, - там пирронисты поняли, что воздерживающиеся не поняли, понимали или нет другие, когда они думали, что они понимали. Но что остается прибавить в пользу их мудрости, так это то, что мы знаем, что пирронисты не познали того, что воздерживающиеся не познали того, что догматики не познали того, что они думали, что познали. Таким-то образом все более и более идет, нарастая с легкостью, эта благородная лестница философий до тех пор, пока наглядно не будет сделан последний шаг к вершине философии и самому лучшему созерцанию существа тех, которые не только не утверждают и не отрицают того, что они знают или не знают, но и этого не могут утверждать или отрицать. Отсюда вытекает, что осел - самое божественное животное, и ослиность, его сестра, есть подруга и секретарь истины... если нет никакой истины, то они сами не знают того, что говорят и не могут быть уверены, говорят ли они или же режут по ослиному, люди они или ослы” .

Бруно зло высмеивал человеческую глупость не только тогда, когда она пряталась за религиозные или философские авторитеты, но и тогда, когда она рядилась в одежды многозначительных намеков, недомолвок и пророчеств: “Ведь никто не должен быть понимаем в большей степени, чем он сам желает быть понимаемым. И мы не должны следовать умом за теми, которые ускользают от нашего ума в случаях, когда одни говорят загадками или

сравнениями, другие - потому что хотят, чтобы их не поняли невежды, иные - чтобы толпа их уважала, некоторые - считая, что нельзя метать бисер перед свиньями. Мы дошли до того, что каждый сатир, фавн, меланхолик, опьяненный и зараженный черной желчью, рассказывающий о сновидениях и дребедени, лишенной всякого смысла и порядка, хочет, чтобы в них видели великое пророчество, сокровенную мистерию, недоступные секреты и божественные тайны воскресения мертвых, философского камня и прочих глупостей. Этим хотят привлечь внимание тех, у кого мало мозга, с целью сделать их безумными, отнимая у них время, ум, славу и богатства, и заставить их столь жалко и низко тратить жизнь .

Всем своим творчеством великий духоборец как бы призывает: “Люди, думайте самостоятельно, не следуйте за толпой, ищите свой собственный путь! Подвергайте все сомнению! Не верьте на слово авторитетам и тиражируемым обществом глупостям. Постоянно учитесь, преодолевайте свое невежество, становитесь умнее и сильнее. Не позволяйте другим управлять вами, но сами распоряжайтесь своей жизнью, временем и судьбой. Не перекладывайте ответственности за себя на других людей, не ищите в них причин ваших неудач и бед, но сами в полной мере отвечайте за себя. Живите настоящим и будущим, но не забывайте о прошлом. Учитесь на ошибках прошлого и не повторяйте их. Делайте, что должно, и пусть будет то, что будет!”.

Заключение

Жизнь, идеи и смерть Джордано Бруно несут в себе и сегодня, спустя свыше 400 лет после его мученической казни на костре инквизиции, огромный заряд духовной энергии, который может

помочь думающему человеку понять многое не только в прошлой, но в нынешней и завтрашней жизни человеческого общества. Понять, в частности, то, насколько современное человечество еще далеко находится от идеалов разумного, гармоничного и счастливого общества, и насколько оно еще близко стоит к тому звериному, первобытному царству, из которого когда-то вышло.

Да, в 20-м веке человечество, основываясь на достижениях физики, химии, астрономии, авиации и ракетной техники, вышло вначале в околоземное, а затем и в межпланетное космическое пространство. Но в своем массовом сознании оно осталось на рубежах начала нашей эры или, в лучшем случае, на рубеже средневековья и нового времени - времени Джордано Бруно. По-прежнему люди верят в бога и дьявола, ангелов и демонов, ад и рай, вечную душу и загробную жизнь. По-прежнему они молятся тем же сверхъестественным существам, которых сами когда-то и выдумали. По-прежнему ставят свечки богу, целуют иконы, кресты и мощи святых угодников, совершают культовые магические обряды, приносят символические и реальные жертвы мифическим силам. По-прежнему жрецы религии массово оболванивают людские души, зомбируют людей, внушая им ложные, иллюзорные, смехотворные идеи, подавляя их разум и волю и превращая тем самым в добровольных ослов, которые с радостью готовы нести на себе церковную поклажу и самих церковных иерархов. Мозги современных людей, одурманенные религиозной верой, продолжают, как и в средневековье, верить в магию, колдовство, ведовство, астрологию, нумерологию, хиромантию и другие архаичные лжеучения, давно разоблаченные разумом и наукой, а современная массовая культура (пресса, радио, кино, телевидение,

интернет) только поддерживает, развивает и множит эти предрассудки и заблуждения.

Религия везде, где только возможно, трезвонит о том, что она якобы защищает традиции и традиционные общечеловеческие ценности, но не могут произрастать истинные ценности на лжи и античеловеческих, “божественных” идеях, противоречащих разуму, опыту, знаниям и законам, открытых, проверенных и доказанных наукой. Религиозные “ценности” с самого начала своего появления оказались пропитаны страхом, невежеством, насилием, обманом, подлогом, шантажом, предательством и кровью бесконечного количества людей, уничтоженных во имя этих самых “ценностей”. Религия, стремясь удержать сознание людей в первобытном состоянии, пытаясь заменить для верующих реальную, земную жизнь жизнью выдуманной, загробной, противопоставляя радости и счастью земной жизни бесконечные страхи и угрозы потустороннего мира, заставляя людей тратить бесценное время собственной жизни на бесплодные молитвы несуществующим богам и химерам, отвращает тем самым людей от решения насущных жизненных проблем, от духовного, умственного и нравственного совершенствования человека, от свободного движения его по пути развития своего разума и способностей к пониманию истинного смысла своей жизни. Поэтому религия, безусловно, является тем всемирным злом, от которого человечеству придется в силу исторической необходимости, освободиться.

Религия, как монстр, пожирает человеческие жизни под лозунгом спасения души и якобы обеспечения ей вечной, загробной райской жизни, т.е. той жизни, в которую сами иерархи церкви попасть никогда не торопились и не торопятся, но в которую, всегда

быстро загоняли всех своих духовных противников - язычников, еретиков, иноверцев, сектантов, атеистов, деистов, пантеистов, оккультистов, астрологов, “ведьм”, “колдунов”, вольнодумцев, духоборцев и просто здравомыслящих людей. Так, в частности, в средневековье и новое время на кострах инквизиции в Европе и Новом Свете были сожжены миллионы безвинных людей в угоду всепожирающей христианской церкви (католической, православной, протестантской) - “торжествующего зверя”, как ее точно назвал Бруно. Как в те времена, так и ныне, спит человеческий разум в массах, и такое положение вполне устраивает интеллектуальную элиту, богачей и властимущих во всех странах планеты. Почему? Потому, что невежественными толпами легко управлять с помощью религии, легко разделять людей, подчинять их, натравливать друг на друга, властвовать над ними и, наконец, уничтожать их ради “экономии” природных ресурсов в интересах элитного, зажиточного, “золотого миллиарда” населения мира. Но такое положение в длительной перспективе грозит человеческому сообществу бедой и гибелью, ибо блокирует его глобальное разумное развитие и накопление общечеловеческого интеллектуального потенциала, который только и может обеспечить выживаемость человечества, его безопасность и устойчивость к различным общественным и природным катастрофам местного, регионального, планетарного и космического масштабов.

Молись - не молись, но несуществующие боги не услышат человечество. Оно может и должно полагаться только на собственные силы, на собственный разум, на собственные научно-технические открытия, достижения и решения, на те новые

общечеловеческие ценности, которые могут и должны быть созданы не на базе религии, но на базе адекватного знания человеком себя, общества и природы! Как справедливо пишет один из биографов Бруно , он “как обновитель миросозерцания, считал себя призванным быть и реформатором этики. Он был убежден, что истинная нравственность должна основываться на таких же незыблемых естественных законах, как и астрономия. Освободив наше представление о мире от тех грубых ошибок, которые были навеяны обманом наших чувств, он хотел освободить и нравственность от подчинения внешнему авторитету“. Бруно, в отличие от многих современных политических и общественных деятелей, уже 400 лет назад понимал, что новая культура человечества должна быть полностью независима от церковных традиций. Недаром его враги приклеили Бруно ярлык человека “без всякой религии”.

Тому, кто хочет понять, что такое есть религия и как она противостоит человеческому разуму, свободе мысли и слова, научному познанию и творчеству человека, стоит вникнуть в жизнь, идеи и смерть Джордано Бруно - одного из многочисленных мучеников науки, ставшего далеко не последней жертвой христианской церкви. Разум, знания и наука дали ему силу и мужество публично, открыто противостоять религиозному, церковному невежеству и насилию в средневековой Европе. Бруно говорил о себе: “я измеряю поле природы, стараюсь пасти души, мечтаю обработать ум и исследую навыки интеллекта...чтобы из моего труда выросли полезные и славные плоды для мира, которые раскрыли бы дух и пробудили бы чувства у лишенных света...цель моя – быть на виду у вечной истины...я в своих мыслях, словах и

действиях не знаю, не имею и не стремлюсь ни к чему иному, кроме искренности, простоты и правды ". Он хотел изменить взгляды и нравы людей своего времени, хотел открыть им дорогу к постижению нового, космического мира и смысла существования человечества в бесконечной Вселенной, содержащей бесчисленные миры, подобные солнечной системе, "открытой" Коперником всего за 5 лет до рождения Бруно.

Он сделал все, что мог, но люди его времени, жившие в своих темных и духовно замкнутых мирках, не нуждались в свете его обжигающего факела мысли и призывах к постижению истины мира. Их разум спал и не желал просыпаться, ибо они мнили себя "божьими тварями", уже однажды наказанными своим библейским богом за своеволие и стремление к познанию добра и зла. Час еще не настал, и поэтому следовало уничтожить бунтаря, который укорял их в невежестве, глупости, ослиности, покушался на их "религиозные ценности", унаследованные от предков. В древнегреческой мифологии титана Прометея, похитившего с небес "божественный" огонь и передавшего его людям, боги покарали, приковав к скале и заставив орла выклевывать ежедневно у титана печень, отраставшую за ночь заново для продолжения его мучений (освободил Прометея и убил орла Геракл - другой древнегреческий герой). Философия Бруно привела его на костер, а главным подтвержденным обвинением против него стало его учение о бесконечности вселенной и множестве ее миров, т.е. то учение, правильность которого уже доказала современная наука. Бруно сожгли не на мифическом, а на реальном огне сами люди, дабы он больше не нарушал сон их разума, рождавший столь привычных и близких их сердцам химер и чудовищ. Кто же и когда, наконец,

сумеет пробудить людской разум, изгнать чудовищ и превратить “торжествующего зверя”, лицемерно называющего себя “божьей тварью”, в Человека Разумного - Homo Sapiens?

Литература

1. Дынник М. Вступительная статья/ В кн. Бруно Дж. О причине, начале и едином. - Мн.: Харвет, 1999.
2. Золотарев А. Предисловие переводчика/ В кн. Бруно Дж. Изгнание торжествующего зверя. - Мн.: Харвет, 1999.
3. Памятник Джордано Бруно (Рим)/Википедия. - Интернет, www.ru.wikipedia.org.
4. Большой Российский энциклопедический словарь.- М.: Большая Российская энциклопедия, 2003.
5. Britannica. Настольная энциклопедия в 2-х томах. - М.: АСТ-Астрель, 2006.
6. Философский энциклопедический словарь/2-е изд. - М.: Советская энциклопедия, 1989.
7. История философии/ Под ред. Г.Ф. Александрова и др., Т.1,2. - М.: Политиздат, 1941.
8. Малая Советская энциклопедия/ 3-е изд. - М.: Большая Советская энциклопедия, 1958-1960.
9. Всемирная история в десяти томах. Т.4. - М.: Соцэкономиздат, 1958.
10. Биографический словарь деятелей естествознания и техники, т.1 - М.; Бол. Сов. энциклопедия, 1958.
11. Шишаков В.А. Выдающиеся деятели науки/2-е издание. - Издание Московского планетария, 1940.

12. Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Биографии, Т.1-5. - М.: Сов. энциклопедия, 1991-1994.
13. Фолта Я., Новы Л. История естествознания в датах/Пер. со словацкого - М.: Прогресс, 1987
14. Штайн В. Хронология мировой цивилизации/ Пер. с нем., Т.1. - М., Слово, 2003.
15. Кудрявцев П.С. История физики. Т.1,2. - М.: Учпедгиз, 1956.
16. Еремеева А.И. Астрономическая картина мира и ее творцы. - М.: Наука, 1984.
17. Лейзер Д. Создавая картину Вселенной/Пер. с англ. - М.: Мир, 1988.
18. Ковальский Я.В. Папы и папство/ Пер. с польск.. - М.: Политиздат, 1991.
19. Антоновский Ю.М. Джордано Бруно/ ЖЗЛ, Биог. Библ. Ф.Павленкова. - ЛИО Редактор, С.-П., 1995.
20. Горфункель А.Х. Джордано Бруно. - М.: Мысль, 1965./ Интернет, www.alexandria.org.ua.
21. Чанышев А.Н. Джордано Бруно. К пятисотлетию с года рождения. - Журнал "Здравый смысл", №4, 2003.
22. Кеплер И. Разговор с звездным вестником/ В кн. Кеплер И. О шестиугольных снежинках - М.: Наука, 1982.
23. Бруно Дж. Изгнание торжествующего зверя. - Мн.: Харвет, 1999./ Интернет, www.alexandria.org.ua.
24. Бруно Дж. О причине, начале и едином. - Мн.: Харвет, 1999./ Интернет, www.alexandria.org.ua.
25. Бруно Дж. Пир на пепле.- Интернет, www.alexandria.org.ua.
26. Бруно Дж. О бесконечности, вселенной и мирах. - Интернет, www.alexandria.org.ua.

27. Бруно Дж. О неизмеримом и неисчислимом. - Интернет, www.

28. Бруно Дж. Тайна Пегаса с приложением Килленского осла. - Интернет, www.alexandria.org.ua.

29. Осуждение Лючилио Ванيني. - Интернет, www.PHILka.ru

30. Ванيني Джулио Чезаре - Интернет, www.ru.wikipedia.org

31. Диггес Томас/Википедия. - Интернет, www.ru.wikipedia.org.

32. Христианство: Словарь. - М.; Республика, 1994.

Минск, 27 сентября 2014 г.